

Г. И. УСПЕНСКИЙ
В РУССКОЙ
КРИТИКЕ

Л 2
У-77

Г. И. УСПЕНСКИЙ В РУССКОЙ КРИТИКЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1961 Ленинград

Для Пестикова
82 № 1636

*Вступительная статья,
подготовка текста
и примечания
Н. И. Соколова*

*Оформление художника
Д. Л. Двоскина*

ТВОРЧЕСТВО Г. И. УСПЕНСКОГО В РУССКОЙ КРИТИКЕ

Г. И. Успенский не мог посетовать на равнодушие к нему критики и общественности. На протяжении почти всего творческого пути его произведения были предметом острых критических выступлений, самых разноречивых суждений, горячих споров, часто далеко выходящих за пределы только литературных интересов. Можно без преувеличения сказать, что Успенский был одной из центральных фигур литературно-общественного движения его времени. Произведения писателя-демократа касались таких злободневных явлений, поднимали столь жизненно важные вопросы, что в обсуждение их вовлекались представители различнейших литературных направлений и общественных группировок.

Действительно, когда знакомишься с откликами на отдельные произведения Успенского, на его творчество в целом, то поражает не только обилие этих откликов, но еще больше — их разноречивость и — сейчас это особенно ясно — их очевидная неравноценность. Писатель революционно-демократических устремлений не мог не вызывать злобных, социально пристрастных оценок, откровенных нападок, едких реплик по своему адресу. Один из критиков утверждал: «Известность г. Успенского не из тех, которые создаются приятелями и рекламой, а скорее врагами, литературными и иными».¹ Мы не согласимся с этим утверждением; у Глеба Успенского были противники, но гораздо больше у него было надежных друзей: это — широкие круги демократических читателей, которые и обеспечивали писателю прочную и добрую славу.

¹ <Без подписи.> Сочинения Глеба Успенского. — «Неделя», 1883, № 52, 25 декабря, стлб. 1768.

Из оценок и мнений, высказанных об Успенском его современниками в разное время и по поводу разных произведений, многие устарели и сейчас могут лишь поражать своей очевидной несостоятельностью, порой даже наивностью. Следует припомнить то немаловажное обстоятельство, что значительная часть писательской деятельности Успенского протекала в тот период, когда литературная критика находилась далеко не на том уровне, на который она была поднята трудами Белинского, Чернышевского, Добролюбова и Писарева. Но критическая литература об Успенском богата и содержательна. О творчестве Успенского высказывались (с разной степенью обстоятельности) многие крупнейшие представители русской литературы и революционно-общественной мысли. Об Успенском писали Ткачев и Михайловский, Салтыков-Щедрин и Короленко, Плеханов и Луначарский, Серафимович и Горький. Исключительное значение для понимания творчества писателя крестьянской демократии имеют высказывания В. И. Ленина.

Не зная всего этого наследия критической мысли, не представляя общей картины восприятия хотя бы главнейших произведений Успенского его современниками, не только трудно, но и невозможно во всей глубине и конкретности понять и оценить его вклад в развитие русской литературы.

1

Наибольшее количество критических откликов на творчество Успенского относится к периоду 70-х и особенно 80-х годов. Судьба произведений, созданных на первом этапе деятельности писателя, была несколько иной. Естественно, что начинавший свой путь молодой литератор не сразу был замечен критикой. Первые очерки и рассказы Успенского появились в печати в 1862 году, но голос его лишь позднее был выделен из хора писателей демократического лагеря 60-х годов, его имя на протяжении нескольких лет является преимущественно лишь в общих обзорах текущей литературы.¹ Раньше других по достоинству оценили Успенского руководители «Современника», в котором писатель начал сотрудничать в 1865 году. В январе 1867 года Некрасов в одном из писем характеризует автора «Нравов Растеряевой улицы» как «очень даровитого литератора».² Однако ни «Нравы...», ни более ранние очерки

¹ См., например: Ап. Григорьев. Отживающие в литературе явления. — «Эпоха», 1864, июль, стр. 15.

² Н. А. Некрасов. Полное собрание сочинений и писем, т. XI. М., Гослитиздат, 1952, стр. 82.

и рассказы Успенского не стали в момент их появления предметом сколько-нибудь обстоятельных критических обсуждений. В значительной мере здесь повинна и та литературно-общественная обстановка, которая сложилась в период закрытия «Современника» и «Русского слова».

Более внимательной критика стала после появления отдельных сборников очерков и рассказов Успенского, хотя и в конце 60-х годов он все еще недостаточно выделяется обозревателями литературы из числа других писателей-демократов. В 1869 году критик «Вестника Европы» Е. Утин в статье «Задача новейшей литературы» рассматривает Г. Успенского как одного из представителей группы писателей, в которую включались Н. Успенский, Слепцов, Решетников и Левитов. Критик высоко оценивает заслугу этой плеяды литераторов и отмечает закономерность избранного ими пути. «Сама жизнь, события определили этот путь. Он вел к изучению народной жизни, к ее правдивому и беспристрастному изображению».¹ Сравнивая произведения Г. Успенского с рассказами его двоюродного брата Н. Успенского, критик писал: «У г. Гл. Успенского нет той живости, той рельефности в описаниях, как у г. Н. Успенского, но зато мы находим в нем больше отделки, больше законченности, округленности...»²

В начале 70-х годов Успенский уже хорошо известен широкому читателю как автор «Нравов Растеряевой улицы», «Разоренья», ряда очерков и рассказов. Начиная с 1866 года один за другим появляются отдельные сборники его произведений. Успенский становится видным сотрудником «Отечественных записок», соратником Некрасова и Салтыкова-Щедрина. После завершения серии повестей, составивших цикл «Разоренья», критик «Отечественных записок» А. М. Скабичевский, выступая на страницах другого органа, дал восторженную оценку Успенскому. Отметив известное ослабление творческой активности ряда писателей-демократов, критик заявлял: «Остается один г. Гл. Успенский. Он один только, из всех юных писателей, не ослабевает, а напротив того, с каждым новым произведением талант его видимо развивается и крепнет... Пока в г. Успенском сосредоточивается вся надежда нашей литературы».³ Скабичевский отважился поставить имя Успенского вслед за именами Щедрина и Островского. Оставляя в стороне ряд преувеличений и опрометчивых формулировок, касающихся других писателей, следует отметить заслугу критика, впервые заговорившего о выдающемся месте Успенского в литературном движении.

¹ «Вестник Европы», 1869, кн. 12, стр. 832.

² Там же, стр. 848.

³ «Азиатский вестник», 1872, кн. 1, стр. 19.

Однако статья Скабичевского (без подписи), изобиловавшая ошибочными выпадами против ряда известных писателей, вызвала насмешки даже в демократической печати.

В том же году произведения Успенского явились предметом серьезного критического разбора в большой статье П. Н. Ткачева «Недодуманные думы», напечатанной на страницах журнала «Дело».

Видный представитель революционного народничества, Ткачев в своей деятельности много внимания уделял вопросам литературы. Его литературно-критические и эстетические взгляды своими лучшими сторонами восходят к традициям революционно-демократической критики и эстетики, традициям Добролюбова и Писарева прежде всего. В то же время в иных исторических условиях Ткачев стремится пересмотреть и развить принципы «реальной критики», сформулированные его предшественниками. В соответствии с рядом ошибочных положений народнической теории (недооценка роли народных масс, прямолинейно-одностороннее представление о деятелях дворянского периода в общественной жизни России, преувеличение роли интеллигенции в историческом процессе и др.), Ткачев в области эстетики и критики во многом отступил от заветов Чернышевского и Добролюбова, усугубил ошибки Писарева. Таковы, например, ошибочные оценки, которые давал Ткачев творчеству Тургенева, Гончарова, Островского и др. Таков его отказ от эстетических оценок произведений и тех писателей, общественное значение которых он признавал.

Но несомненной заслугой критика-революционера было то, что он, как и его идейные предшественники, отстаивал принципы литературы, проникнутой передовыми идеями, верной жизненной правде, одушевленной насущными интересами современности. «Жизненная правда», — писал Ткачев, — требует не только, чтобы явления жизни были изображены верно, правдиво, но также требует и того, чтобы изображаемые явления имели общественный характер, чтобы они захватывали какие-либо стороны общественной жизни, чтобы они удовлетворяли той или другой социальной потребности».¹

Творчеством писателей-демократов с их всесторонним исследовательским интересом к новой, пореформенной действительности, особенно к жизни народных масс, Ткачев особенно дорожил. Естественно, что оценке произведений Г. И. Успенского критик уделил немало страниц. За его творчеством он внимательно следил на всем протяжении 70-х годов.

В статье «Недодуманные думы» Ткачев ставит творчество Успенского в ряд с произведениями других писателей-демократов 60-х годов. Критик не очень высокого мнения о литературных достоинствах их произведений, однако он ценит их близость к народу, искренность — «одно из лучших свойств» этих деятелей литературы. «В их лице, — заявляет Ткачев, — обездоленные люди могли говорить от собственного своего имени... в их лице они нашли себе «своих» адвокатов».¹

Произведения Успенского дают Ткачеву убедительный материал для характеристики существенных сторон пореформенной русской жизни. Он внимательно всматривается в мир героев «Нравов Растеряевой улицы» и «Разоренья», привлекая попутно и ряд других произведений писателя первого периода творчества («Зимний вечер», «Спустя рукава» и др.). В этих произведениях критик находит яркие зарисовки чиновничьего «темного царства», в котором господствуют Толоконниковы, Птицыны и др., обезличивая подвластных им людей, подавляя их волю, делая их неспособными к самостоятельным и решительным действиям. Употребляя понятия «самодурство», «темное царство», введенные в широкий оборот знаменитыми статьями Добролюбова, Ткачев подчеркивал обобщающий смысл картин и образов из произведений Успенского. Для революционера-народника дороги прежде всего те деятели, которые не мирятся с существующим злом, а выступают против него. Для Ткачева неприемлема психология тех героев «Разоренья», которые, при всей видимой добропорядочности и добрых намерениях, неспособны на серьезное дело, на решительные поступки. Критик осуждает Черемухина и героев «Наблюдений провинциального лентяя», «Тише воды, ниже травы», но его привлекает образ Нади — сестры Черемухина, стремящейся к знанию и живой деятельности. Особо отмечает Ткачев образ рабочего Михаила Ивановича. «Но смотрите, — говорится в заключительной главе статьи, — на этом болоте вырастает что-то, чего уже нельзя назвать тиной. Тут вот поднимается тощая, нервная фигура Михаила Ивановича с большою, впалую грудью, хриплым, прерываемым чахоточным кашлем голосом. Михаил Иванович вышел из среды народа и всегда играл роль «наковальни»... Это обстоятельство поставило Михаила Ивановича несравненно выше разных Черемухиных и иных производителей „бурь в стакане воды“».

Это подчеркнутое выделение образа Михаила Ивановича знаменательно. Ткачев тем самым не считает безнадежно пессимисти-

¹ При цитировании статей, помещенных в данном сборнике, ссылка на страницы не дается.

¹ П. Н. Ткачев. Избранные сочинения на социально-политические темы, т. II. М., изд. О-ва политкаторжан, 1932, стр. 365.

ческой картину «нравов» Птицыных и Толоконниковых, Прохоров Порфирычей и Печкиных, которую рисовал художник-демократ. Однако Ткачев вслед за писателем не склонен предаваться и слишком радужным ожиданиям на ближайшее будущее.

Такая оценка образа рабочего-протестанта — несомненная заслуга критика-революционера. Либеральная и реакционная критика представляла фигуру Михаила Ивановича надуманной и ходульной. Ведь даже Плеханов уже в более поздние годы считал его «просто смешным», играющим «роль какого-то Чацкого из фабричных рабочих».

Своей социальной остротой и художественной оригинальностью первая повесть «Разоренья» привлекла внимание выдающегося деятеля освободительного движения, поэта-революционера Н. П. Огарева, пристально следившего за новыми явлениями русской литературы. «Сегодня с утра читал «Отечественные записки», — сообщал он Герцену в письме от 5 марта 1869 года. — Любопытно мне знать твое мнение о рассказе Успенского (Разоренья). Тут есть промахи, но чрезвычайно оригинально, хотя и аляповато; а притом оно полезно. Начало хуже, но потом живее и резче. Очень желаю, чтоб ты прочел это...»¹

Годом раньше Ткачева с большой статьей под заглавием «Герои вечных ожиданий», посвященной в основном только первой части «Разоренья», выступил в «Отечественных записках» Скабичевский. Здесь также дается та высокая оценка творчества Успенского, которая несколько подчеркнута и нарочито прозвучала в упоминавшейся статье на страницах «Азиатского вестника». Скабичевский сетует на господствующую «межеумочную критику», не замечавшую новое большое явление литературы. Рассматривая Успенского в ряду писателей-демократов, критик заявляет, что «Гл. Успенский составляет шаг вперед после Решетникова». Смысл заглавия статьи раскрывает сам автор, характеризующий героев «Разоренья»: «Первое, что вас поражает во всех этих людях, — это полное отсутствие всякой активности, малейших попыток отстаивать свои принципы или вносить их в жизнь самостоятельно и неуклонно». В отличие от Ткачева, Скабичевский не отделяет от других персонажей и образ Михаила Ивановича. Он не замечает иной социальной природы этого героя и видит в нем лишь обычный «тип российского прогрессиста с головы до ног». Само появление таких фигур в русской действительности Скабичевский считает случайным, «лишней спицей в колеснице». Это говорит, конечно, о социальной близорукости автора статьи. Неоправданно также его

¹ «Литературное наследство», № 39—40, М., 1941, стр. 532.

заключение о тождестве писателя с героями произведения — то с Черемухиным, то даже с Михаилом Ивановичем.

При всех этих недостатках выступление Скабичевского было положительным явлением в литературе об Успенском. Особенно важным было то, что критик подчеркнул глубокую жизненность, правдивость произведений писателя: «Произведения Гл. Успенского одним ударом способны разрушать... иллюзии, открывая нам жизнь... во всей ее неподкрашенной правде». Очевидно, что здесь критик «Отечественных записок» стремился следовать в своих оценках тем критериям, которые были сформулированы еще Белинским и Чернышевским.

Статьи Ткачева и Скабичевского были наиболее серьезными выступлениями критики по поводу крупнейших произведений Успенского 60-х годов. При всех различиях названных критиков как в понимании явлений русской действительности, так и в определении литературных достоинств произведений Успенского, общая оценка писателя была положительной, и она давалась с демократических позиций.

Иными, как и следовало ожидать, были отклики на творчество писателя-демократа со стороны реакционной печати. На страницах «Русского вестника», «Зари» и других охранительных органов произведения Успенского подвергаются злобному осуждению. В. Г. Авсеенко из «Русского вестника» не нравятся протестующие ноты в демократической литературе. «Новые беллетристы, — пишет он, имея в виду Успенского прежде всего, — создают типы озлобленные, недовольные и протестующие, в которых под русскую чуйкою так и сквозит блуза французского пролетария». Не мудрено, что фигура пролетария Михаила Ивановича из «Разоренья» катковцу Авсеенко особенно не по нраву. Характерен своей беспринципностью в отзывах об Успенском В. П. Буренин, тогда еще придерживавшийся либеральной фразеологии. Если в 1869 году он похваливает автора «Разоренья», то в 1872 году, после разрыва с «Отечественными записками», он проявляет недовольство тем, что в этом журнале высоко ценят писателя, и со злорадством смакует те критические замечания в адрес Успенского, которые содержались в статье Ткачева.²

Таким образом, отклики критиков на произведения Успенского 60-х годов в период их появления не были многочисленны. Гораздо внимательнее к творчеству писателя этой поры критика отнеслась

¹ «Русский вестник», 1873, № 9, стр. 379.

² См. «С.-Петербургские ведомости», 1869, № 76, 18 марта; 1872, № 36, 5 февраля.

позднее, особенно в 80-е годы, в связи с выходом Собраний сочинений Успенского в 1883—1886 и 1889 годах. Первые тома этих изданий содержали очерки и рассказы Успенского 60-х годов; «Нравы Растеряевой улицы», «Разоренье» и другие произведения как бы заново открылись перед читателем.

Творчество Успенского 60-х годов ставится критикой в связь с общим развитием демократической литературы того времени. Может быть, всего рельефнее об этом говорится в статье Н. К. Михайловского «Глеб Иванович Успенский. Литературная характеристика», открывавшей Собрание сочинений писателя 1889 года. Почти во всех критических работах об Успенском, появившихся в 80-х годах, говорится прежде всего о том, что творческая манера писателя изменилась, что Успенский-художник 60-х годов резко отличается от Успенского — художника и публициста нового периода. По-разному объясняется и оценивается эта перемена: одни видят в ней регресс, другие — обогащение средств искусства. Но одно несомненно: произведения Успенского 60-х годов получают наконец широкое признание и весьма подробное освещение, хотя далеко не всестороннее. Критиков привлекают сейчас высокие художественные достоинства многих произведений первого периода, не говоря уже о том, что их жизненная глубина и правдивость не вызывают никакого сомнения. В статье Михайловского впервые получает высокую оценку юмор Успенского 60-х годов, его глубокий смысл: «Это не беспредметное зубоскальство, — пишет критик, иллюстрируя свою мысль рассказом «Нужда песенки поет», — ни одного просто смешного положения вы у Успенского не найдете...»

Характерно отношение к прежнему творчеству Успенского уже упоминавшегося нами В. П. Буренина, ставшего присяжным критиком суворинского «Нового времени». В связи с выходом первых четырех томов Собрания сочинений Успенского он выступил в 1884 году с обширной статьей — «Беллетрист шестидесятых годов». Цель этой статьи проста: противопоставить Успенского — крестьянского демократа 80-х годов Успенскому — беллетристу 60-х годов и под прикрытием похвал прежним произведениям осудить новейшие.

Но всякому непредубежденному читателю было ясно, что никакого противоречия между творчеством Успенского 60-х годов и его новейшими произведениями не было; переход писателя к новым темам и образам был глубоко органичным и закономерным. Одним из первых критиков, указавших писателю на необходимость перехода ко все более широкому охвату русской действительности, был Ткачев.

В 1875 году в статье «Беллетристы-эмпирики и беллетристы-метафизики» он дал весьма резкую оценку сборнику рассказов

и очерков Успенского «Глушь». Не отрицая «живости» и «меткости» зарисовок писателя, критик, однако, считает, что в изданном сборнике нет ничего принципиально нового, что писатель повторяется. Выдающегося представителя демократической критики не может не печалить этот факт. Он предостерегает Успенского от опасности превращения в бесплодного беллетриста-эмпирика. «Но вы, — говорит критик, — можете еще ее избежать... вы можете не суживать без всякой надобности круг тех жизненных явлений, которые вы избрали главным предметом своих наблюдений, с которыми всего более гармонирует и ваше душевное настроение. Явления эти постоянно изменяются, постоянно отливаются в новые и новые формы; следите за этими видоизменениями, не прилепляйтесь к какой-нибудь одной из этих форм — и у вас никогда не будет недостатка в живом материале...»¹ Суровые упреки критика огорчили писателя. Успенский оправдывался тем, что в новый сборник были включены старые произведения. Ткачев «бранит меня, — говорит он в письме от 8 июня 1875 года, — видя упадок и не зная, что то, что издано мною в 1875 году, — писано не в 75, а в 62 и 63 — 12 лет назад, — а помещено в книге благодаря мошенническим контрактам и условиям издательства». Что касается пожеланий критика, то они отвечали устремлениям самого писателя: когда появилась статья Ткачева, Успенский уже создавал произведения о новой, «постоянно изменяющейся» действительности.

2

Первым крупным итогом творческих исканий Успенского в 70-е годы явилась группа очерков и рассказов, которые затем были объединены в отдельный цикл под многозначительным заглавием: «Новые времена, новые заботы». Перелом, отмечаемый критикой в творчестве писателя по сравнению с периодом 60-х годов, справедливо связывается именно с этими произведениями. Критика не сразу уловила то общее, что объединяло очерки и рассказы, хотя большинство из них имело обобщающее заглавие («Люди и нравы»). Зато отдельные произведения («Книжка чеков», «Хочешь — не хочешь», «На старом пепелище», «Неизлечимый», «Большая совесть» и др.) не проходили незамеченными.

Если антидемократический лагерь в лице Авсеенко, Буренина и др. принижал или искажал смысл новых произведений Успен-

¹ П. Н. Ткачев. Избранные сочинения на социально-политические темы, т. III. М., изд. О-ва политкаторжан, 1933, стр. 129—130.

ского, то прогрессивная печать встретила их с полным одобрением. Об отдельных очерках высказывались Ткачев, Михайловский, Скабичевский и др. В статье «Мужик в салонах современной беллетристики» Ткачев, попутно касаясь очерков «Неизлечимый» и «На старом пепелище», подтвердил справедливость заключений писателя о трудностях, стоящих перед людьми с пробудившимся сознанием необходимости подлинно разумных действий. С чувством восхищения говорит обо всей серии очерков писатель К. М. Станюкович, выступавший с критическими заметками (за подписью «Пимен») в газете «Новости». «Публика пропустила, — заявлял он, — прелестнейшие очерки, печатавшиеся... в «Отечественных записках» под названием «Люди и нравы». Там нет описаний гостиных, нет описаний обедов, но там есть такие поразительные страницы, такие живьем взятые сцены из жизни людей, ничего общего не имеющих с миром будуаров, там художник ставит вам такие вопросы, после которых читателю... делается как-то жутко. Именно жутко. Жутко за прошлое, за настоящее и будущее». Успенского рецензент называет одним «из любимых и симпатичных наших народных писателей».¹

Подлинно поворотным произведением Успенского 70-х годов явились очерки «Из деревенского дневника», печатавшиеся в «Отечественных записках» в 1877—1880 годах и затем сразу же вышедшие отдельным изданием. Созданные в обстановке складывавшейся новой революционной ситуации в России, очерки своей проблематикой, актуальностью, безупречной правдивостью наблюдений над деревенской действительностью, страстными и глубоко искренними размышлениями самого писателя о поднятых вопросах ответили самым насущным потребностям времени и явились важным событием в литературно-общественной жизни. Не мудрено, что этот цикл очерков уже в процессе печатания отдельных частей стал предметом самого оживленного обмена мнений. Отголоски полемики вокруг цикла «Из деревенского дневника» будут еще долго слышны в критических выступлениях о писателе.

И о самом произведении и по существу затронутых в нем вопросов высказались представители различных общественных и социально-политических кругов. Самая большая группа высказываний связана с разными направлениями народнической мысли. Представители народничества выступали в основном на страницах «Отечественных записок», «Дела», «Недели»; споры велись не только в печати, но и непосредственно в среде участников народнического движения. Другую группу критиков, уже не столь многочисленную,

¹ «Новости», 1877, № 23, 23 января.

представляла либеральная пресса («Вестник Европы», газеты «Новости», «Молва» и др.). Не остался в стороне и лагерь реакции (органы печати Каткова, Суворина, поздних славянофилов).

Самый большой интерес представляют, безусловно, выступления народнической критики. Она не была однородной. Среди выступавших в народнической прессе были деятели, которые принимали непосредственное участие в революционном движении или стояли близко к нему, но были и такие, которые и не помышляли о революционной деятельности, проповедуя лишь мирные либеральные преобразования. Как известно, картина деревенской пореформенной действительности, нарисованная Успенским, резко разошлась с народническими представлениями о мужике и деревенской общине. Суровая правда очерков, говорившая о проникновении в деревню капитализма, о разложении общины, о росте социальной розни, особенно не понравилась либеральным народникам. В «Неделе» появляется целая серия выступлений критиков, предъявивших Успенскому ряд обвинений, среди которых были совершенно нелепые и чудовищные. Редактор газеты П. А. Гайдебуров о первом же очерке Успенского писал: «Все это верно, рельефно, картинно, но все это покрыто таким густым крепом, пропитано таким могильным смрадом, словно присутствуешь на похоронах и слушаешь «вечную память». И ни одной-то, ни одной полоски света?... такие очерки, при всей их талантливости, не могут дать читателю даже приблизительного понятия о современной „деревне“».¹ С особенной резкостью против Успенского выступил критик и публицист «Недели» И. И. Каблиц, писавший под псевдонимом И. Юзов. В связи с последующими очерками он в нашумевшей статье «Либерал о сером мужике» бросил писателю обвинение в «измене» народу. «Какой умник г. Иванов! — негодовал либерал-народник. — Как он просто и с какой легкостью понял неразгаданного до сих пор сфинкса — народ! С ним могут соперничать разве станковые пристава, которые давно уже знают, что „наш народец — подлец“...»² До подобных сопоставлений не договаривалась даже реакционная пресса. Последующие выступления либеральных народников были выдержаны в более мягких тонах, но резко отрицательное отношение к очеркам Успенского, по существу, осталось неизменным.

С Юзовым оказался фактически солидарным С. А. Венгеров, проповедовавший тогда народнические идеи. Сошелся с «Неделей» в ряде обвинений по адресу Успенского и Скабичевский, высту-

¹ «Неделя», 1877, № 46, 13 ноября, стлб. 1554.

² Там же, 1878, № 9, 25 февраля, стлб. 285.

пивший на страницах «Молвы» по поводу очерка «Черная работа», хотя цикл в целом им был встречен сочувственно. В одном из откликов на очерки «Из деревенского дневника» он положил начало сопоставлению произведений Успенского с творчеством Златовратского. Это сопоставление стало затем общим местом многих критических работ об Успенском. На страницах «Недели» с резкой критикой Успенского выступил молодой Плеханов, стоявший тогда на народнических позициях. В статье «Об чем спор?» («Неделя», 1878, № 52, за подписью: Г. Валентинов) он пытается доказать ошибочность наблюдений Успенского. Впоследствии Плеханов-марксист решительно отвергнет несостоятельные нападки народников на писателя-реалиста.

По-инному к очеркам «Из деревенского дневника» отнеслись представители радикальных и революционных кругов народничества. Для лучших представителей передовой народнической мысли, еще не отказавшихся от революционных устремлений, глубокий и искренний демократизм Успенского, безусловная правдивость зарисованных им картин действительности не подлежали сомнению. Вздорные и архиреакционные выступления «Недели» против Успенского вызвали решительный отпор прежде всего «Отечественных записок». Н. К. Михайловский, тогда ведущий критик этого передового революционно-демократического органа, в очередных «Литературных заметках» в связи с упреками «Недели» писал в защиту Успенского: «...если народ в самом деле всегда, везде и во всех действиях, чувствах и помышлениях так хорош, то, значит, века бесправия, рабства и нищеты прошли для него даром, не наложив на него пятна и порока, а, чего доброго, даже способствовали его улучшению». Не говорить об этом — значило бы «приискивать санкцию», то есть оправдывать те «гнетущие обстоятельства», которые обусловили появление отрицательных качеств в народе. «Есть, конечно, и другой исход, — говорит далее критик, — можно лгать, можно замалчивать горькие факты или набрасываться на тех, кто их правдиво изображает. Так набрасывалась на г. Иванова „Неделя“...»¹ Защищая Успенского, Михайловский, однако, был склонен ограничить обобщающий смысл замеченных писателем явлений.

Большой интерес представляют суждения об очерках, высказанные видным деятелем революционного народничества Д. А. Клеменцем. Выступая на страницах журнала «Слово» (под псевдонимом Д. Топорнин) по поводу нового очерка «Из деревенского дневника», он прежде всего подчеркивал обобщающий характер зарисо-

¹ «Отечественные записки», 1878, № 3, стр. 165.

вок Успенского: «Слепинский мужичок — тип бесчисленных Слепых на Руси». Не во всем соглашаясь с писателем в оценках нравственных сторон жизни современной крестьянской общины, критик отмечает глубину и меткость его наблюдений. Признавая далее правильным заключение о необходимости вмешательства в дела деревни интеллигентного человека, Клеменц оговаривается, что пришедший в деревню деятель выберет дорогу «самую кратчайшую». В подцензурной печати критик не мог, конечно, высказаться яснее, но несомненно, что здесь имелось в виду революционное решение крестьянского вопроса.

С целой серией статей под заглавием «Мужик в салонах современной беллетристики» (1879) выступил на страницах журнала «Дело» П. Н. Ткачев. Эти статьи, явившиеся откликом на завязавшуюся полемику о литературе, посвященной народной жизни, в свою очередь вызвали ряд ответных выступлений в самых различных органах. Успенскому — главным образом очеркам «Из деревенского дневника» — посвящена четвертая, заключительная статья. Как и в прежних отзывах об Успенском, Ткачев высказывает ряд резких — порой небезосновательных, а в некоторых случаях спорных и ошибочных — упреков писателю, отмечает в его очерках противоречивые, недостаточно четкие суждения; критик склонен даже совсем зачеркнуть публицистическую часть очерков. Но идеолог народничества иногда и сам впадает в противоречия. Так, например, сопоставляя произведения Златовратского и Успенского, Ткачев отдает предпочтение последнему, но в то же время он не видит глубокого различия в их подходе к действительности.

Однако не в этом основная суть статьи Ткачева об Успенском. Главным, по мнению критика, является то, что правдивые очерки писателя-реалиста дают глубокий и важный материал для анализа коренных явлений пореформенной народной жизни, служат выработке правильных, с точки зрения одного из идеологов народничества, взглядов на современную действительность и этим самым помогают определению плана конкретных действий. Выдающийся деятель революционного движения 70-х годов увидел в произведениях Успенского крупное, принципиально новое и существенное явление литературы. Подвергая тщательному анализу и весьма суровой (и часто несправедливой) критике литературу, предшествовавшую Успенскому, Ткачев указывал на глубокий исторический смысл и подчеркивал большое общественное значение творчества создателя цикла «Из деревенского дневника». «Оценка, данная очеркам Успенского Ткачевым, — справедливо писал советский исследователь, — являлась одним из наиболее объективных, серьез-

ных и обоснованных откликов современников на это произведение Успенского».¹

Из народнических оценок очерков Успенского отметим также отзыв известной революционерки В. Н. Фигнер и знаменитый ответ на него, данный самим писателем. В своих воспоминаниях Фигнер приводит разговор с Успенским: «Зачем, — говорила она ему, — рисовать деревню такими красками, что никому в нее забраться не захочется и всякий постарается стать от нее подальше?» Успенский ответил, указывая на Фигнер: «Она требует: подай ей мужика, но мужика шоколадного!»² Эти слова полностью совпадают с тем, что отвечал писатель на страницах очерков всей народнической критике. Отзыв В. Н. Фигнер интересен также как одно из свидетельств обсуждений очерков Успенского не только в печати; они были одновременно и предметом острых дебатов на встречах и собраниях в революционно-пропагандистской среде. Следует отметить и тот факт, что хотя Успенский так и не стал рисовать «шоколадного мужика», подлинно демократические и революционные круги никогда не отворачивались от писателя, всегда ценили его искреннее и правдивое слово. Та же В. Н. Фигнер писала о нем: «Нас объединяла с ним глубокая преданность делу народа, желание поднять его на должную высоту, материальную и духовную. Подходили к народу мы с разных сторон и разными дорогами, но одни и те же чувства соединяли нас».³

Либеральная критика в целом положительно и благожелательно встретила очерки «Из деревенского дневника», хотя по содержанию большинство откликов не отличалось глубиной и оригинальностью. Сочувственные и благожелательные оценки творчества Успенского стали уже преобладающими и прочными в отзывах о писателе, судить иначе — значило расписаться в полнейшей близорукости или заявить открыто о своей враждебности демократическим принципам литературы. Либеральная критика высказала ряд оценок, в известной мере отражавших глубокие симпатии широких читательских кругов к творчеству одного из ведущих сотрудников «Отечественных записок».

Уже в связи с первыми очерками нового цикла один из рецензентов писал об Успенском: «По глубине мысли, по силе чувства

¹ Б. П. Козьмин. Историко-литературные комментарии <к очеркам «Из деревенского дневника»>. — Г. И. Успенский. Полное собрание сочинений, т. V. М.—Л., изд. АН СССР, 1940, стр. 446.

² В. Н. Фигнер. Полное собрание сочинений, т. III. М., изд-во О-ва политкаторжан, 1932, стр. 121.

³ Там же, т. V, стр. 469.

и таланту изображения он становится в них смело в ряды перво-классных наших писателей, а по жизненности темы и направления он становится во главе современной литературы». Писатель «указывает литературе новые плодотворные пути, такие задачи, для работы над которыми найдется дело для целого литературного поколения».¹ Сочувственно откликнулись на очерки Успенского критики А. Введенский, В. Чуйко и др. В связи с выходом «Из деревенского дневника» отдельной книгой с большой и содержательной статьей об Успенском выступил на страницах «Вестника Европы» Е. Утин. Мало касаясь конкретного содержания очерков, критик попытался дать обобщающую характеристику писателя и одним из первых взялся за объяснение художественного своеобразия его новых произведений. О сочетании в очерках Успенского образного воспроизведения действительности и публицистики критик пишет: «Причина этого лежит не в недостатке таланта, а в далеко не законченном еще процессе изучения народной жизни, в сравнительно недостаточном знакомстве с нею». Давая суммарную характеристику творчества Успенского, критик отмечает правдивость его произведений, отсутствие в них нарочитой тенденциозности, необычайную простоту повествования, глубокую любовь писателя к народу, стремление обрисовать общие условия его жизни, ее внутренний драматизм. Утин стремится осмыслить очерки Успенского в ряду произведений других авторов, писавших о народной жизни. В своей статье критик останавливается и на произведениях Успенского 60-х годов — «Нравах Растеряевой улицы» и «Разоренье», однако эта часть статьи не столь содержательна.

Как и следовало ожидать, с ожесточением и острой неприязнью встречала подлинно демократические произведения Успенского реакционная пресса. Если при появлении первых очерков «Из деревенского дневника» суворинское «Новое время» еще старалось сообразности объективности и снисходительно похваливало Успенского, то в дальнейшем В. П. Буренин всячески принижает и искажает его произведения. «Лорнет г. Успенского, — утверждает он, — лорнет узкого и одностороннего кабинетного радикализма, который за тенденциозным «разорением» современной деревни порой почти готов просмотреть даже образ божий в сером и жалком представителе этой деревни — крестьянине...»² В 1884 году, в связи с выходом пятого тома Собрания сочинений Успенского, куда вошли очерки «Из деревенского дневника», со злым отзывом о писа-

¹ В. Г. <В. Горленко.> Наша пресса. — «Московское обозрение», 1877, №№ 45 и 46, стр. 54.

² «Новое время», 1878, № 1006, 15 декабря.

теле выступил «Гражданин», издававшийся мракобесом Мещерским. Анонимный рецензент боится разоблачительного и обличающего смысла произведений Успенского и заявляет: «Таланты и дарования зарывать грешно; но вдвое грешнее и гнуснее злоупотреблять ими на смуту великого множества людей без твердых убеждений, без знаний, верующих каждому слову краснобая-болтуна». ¹ Неприязненно отозвалась об очерках и славянофильская «Русь». Возражая против положительной оценки очерков, данной Е. Утиным, славянофильский публицист писал: «Народ, каким его изображает Гл. Успенский, может возбудить отвращение, досаду, презрение, негодование, — все, что хотите, только не любовь...» ² Действительно, отношение славянофилов к народу ничего общего не имело с той горячей любовью, которую питал к трудовой массе писатель революционной крестьянской демократии.

Подводя итог литературно-критическим отзывам об очерках «Из деревенского дневника», мы можем сказать, что полемика, развернувшаяся на страницах прессы в конце 70-х — начале 80-х годов, была ярким и существенным эпизодом в общественно-литературной борьбе того времени, она является свидетельством большого исторического значения произведений Успенского. В деятельности самого писателя деревенские очерки знаменовали важный поворот к новой и самой широкой теме его творчества.

3

В начале 80-х годов Успенский создает все новые и новые произведения, посвященные народной жизни, наполненные глубокими и взволнованными раздумьями о судьбах разоряющейся пореформенной деревни. Эти произведения и вопросы, в них поднятые, сразу же становились предметом широкого обсуждения. Выступления писателя сейчас уже не остаются незамеченными, хотя и не каждое произведение вызывает столь острые споры, как очерки «Из деревенского дневника».

Такие очерки и рассказы, как «Малые ребята», «Непорванные связи» и даже «Крестьянин и крестьянский труд», были встречены довольно «мирно». Отмечались исключительная наблюдательность писателя, его замечательное мастерство, умение воспроизвести не только внешний, но и внутренний мир крестьянина, но, в общем, отклики шли в направлении, уже определившемся в спо-

¹ «Гражданин». Литературные приложения, 1884, ноябрь, стр. 4 обложки.

² «Русь», 1882, № 3, 16 января, стр. 22.

рах о первом крестьянском цикле. Новая широкая полемика вспыхнула в связи с появлением знаменитых очерков «Власть земли» (1882). Вместе с этими очерками в обсуждение вовлекаются и другие произведения, созданные писателем в предыдущие и ближайшие последующие годы.

Характерной особенностью почти всех значительных статей о «Власти земли» является стремление критиков дать общую характеристику всего творчества Успенского, поставить это программное произведение в связь с развитием крестьянской темы в русской литературе. Рассмотрим кратко высказанные суждения, объединяя их в основном по органам печати, в которых они появились.

Для либерально-народнической «Недели» по-прежнему неприемлема суровая правда произведений крестьянского демократа. В связи с выходом цикла «Крестьянин и крестьянский труд» критик «Недели» пишет об Успенском, что его «исключительное сосредоточение на невеселых условиях» помешало «разглядеть скрытую сущность народной жизни и народной души; оно-то и придало такой мрачный отпечаток безнадежного пессимизма всем его изображениям». ¹ Отрицательно этот критик встретил и очерки «Власть земли»: Г. Успенский, по его мнению, «основывает свои выводы на *одном* факте, и притом беллетристическом». ² Тенденциозно извратив историю Ивана Босых, либерал из «Недели» приписал Успенскому даже ретроградные убеждения. Неприязненно принял «Власть земли» и другой критик и публицист «Недели» — В. Л. Кигн. Полемизируя с теми критиками, которые давали высокую оценку художественным достоинствам очерков, он заявляет: «Не особый литературный род, а литературную уродливость создал для себя г. Успенский». ³

Но народническая пресса, как и в других случаях, не была единодушной в своих откликах на «Власть земли». Если часть народнических органов, подобно «Неделе», безоговорочно отвергла очерки, то другая, признавая их ценность, односторонне, в народническом духе, истолковывала их содержание; противоречивая позиция самого писателя в этом произведении давала известные основания для подобных толкований. Так, Венгеров, столь отрицательно отнесшийся к очеркам «Из деревенского дневника», теперь выражает удовлетворение и заявляет, что Успенский своими последними произведениями якобы отходит от чисто критического изображения деревенской действительности и в этом смысле сближается с Златовратским. «Еще до недавнего времени, — пишет

¹ В — в. Критические очерки. — «Неделя», 1881, № 50, 13 декабря, стлб. 1703.

² Там же, 1882, № 5, 31 января, стлб. 165.

³ Там же, 1883, № 41, 9 октября, стлб. 1354.

Венгеров, — г. Успенский и Златовратский считались главарями двух разных направлений в мужицкой литературе: г. Успенский — «отрезвляющего», г. Златовратский — «идеализирующего». Но теперь разница значительно изглаживается. Про г. Успенского нам уже известно, что он сделал значительные уступки „идеализаторам“...»¹ Очевидна односторонность такого заключения. При всей противоречивости своих выводов Успенский и во «Власти земли» остался чужд безоговорочной народнической идеализации деревни.

Вслед за «Неделей» с оценками «Власти земли» выступил новый либерально-народнический орган — «Русское богатство». Первый отзыв был резко отрицательным. По мнению критика, теория «власти земли» игнорирует целые пласты народонаселения. Примитивно истолковав историю Ивана Босых, критик приписал Успенскому взгляд, «оправдывающий» путь крестьянина в кабак. Виною этому — публицистика, которой не следовало бы заниматься писателю. «Понимаете ли вы, г. Успенский-беллетрист, — вопрошал критик, — что делает с вами ваш ужасный двойник-публицист и в какую темную яму способен он, при случае, затащить вас, в преизбытке своего усердия?!»²

В последующих выступлениях «Русское богатство» значительно изменило оценку «Власти земли». Критик Л. Алексеев (Л. А. Паночини) в том же году выступил с большой статьей «Земля и крестьянин», в которой оспаривается предыдущее выступление журнала. «Г. Успенский, — заявляет Л. Алексеев, — не только замечательный художник, но и глубокомысленный, пронизательный наблюдатель, последовательный и логичный публицист».³ В конкретном анализе произведения критик выражает несогласие с Успенским по ряду вопросов его теории, но в конце концов приходит к не меньшей идеализации земледельческого труда.

С острой и весьма содержательной статьей выступил в журнале «Дело» критик М. А. Протопопов, хотя в своей положительной программе автор не шел далее проповеди весьма умеренных либерально-народнических верований в культурно-преобразующую роль интеллигенции. Статья, озаглавленная «Оборотная сторона медали», начинается с общей характеристики Успенского как писателя, поднимающего в своем творчестве острые проблемы современности. «Я не знаю другого писателя в нашей литературе, — заявляет критик, — за исключением гр. Толстого и, быть может, Достоевского, который в такой мере будил, можно сказать, раздражал мысль

читателя». Очерки «Власть земли» он характеризует как «философский трактат в полном смысле слова». Метки заключения критика о постоянных исканиях писателя, об отсутствии у него какого-либо догматизма, о безжалостном разрушении «истин», которые сам же писатель вчера утверждал. Протопопов подробно говорит о теории «власти земли» и вступает в спор по многим вопросам с ее автором. Идеализацию земледельческих порядков критик считает неосновательной. Существенно его замечание о том, что Успенский в своей теории склонен игнорировать социальную сторону вопроса. «Неужели, — спрашивает критик, — земледелец-батрак и земледелец-собственник с одинаковыми чувствами и мыслями идут за совою сохою или плугом?» Содержатся в статье интересные наблюдения и над художественной манерой писателя.

Разнородны были статьи о «Власти земли» в либеральной прессе. Большое внимание очеркам уделил журнал «Вестник Европы». Здесь со статьями и отдельными суждениями о произведении и о творчестве Успенского в целом выступили К. К. Арсеньев, Е. И. Утин, А. Н. Пыпин. В статье «Лесная правда и высшая справедливость» Арсеньев высоко ценит правду очерков бытописателя деревенских порядков, хотя и не во всем согласен с теоретическими положениями Успенского. Хвалебно отзываясь об авторе «Власти земли» Пыпин. «Народная жизнь, им изображаемая, — пишет он об Успенском, — действительно никогда прежде не проникла в литературу с такими сокровенными чертами ее внутренней работы».¹ Однако следует оговориться, что критики либерального органа были далеки от глубокого проникновения в социальный смысл картин и образов, созданных писателем-демократом.

Скандальную известность получил отзыв об Успенском, выказанный Л. Е. Оболенским, критиком и издателем только что приобретенного им от народников журнала «Русское богатство». Его статья называлась «До чего договорился Глеб Успенский?». Предлогом для выступления послужили очерки «Из путевых заметок», но не поздоровилось здесь и «Власти земли». Считая неоправданно мрачными картины народной жизни в очерках Успенского, критик патетически восклицает: «Хорош либерализм, нечего сказать! Чем же он отличается от либерализма Мещерского?»² Этот недостойный выпад не повлиял, конечно, на твердую репутацию Успенского, но обернулся против самого незадачливого журналиста: многие читатели демонстративно отказались от подписки на «Русское богатство», а группа литераторов прекратила в нем сотрудничество.

¹ «Русская мысль», 1882, кн. III, стр. 67.

² А р т... Власть земли. Очерк Г. Успенского. — «Русское богатство», 1882, март, стр. 49.

³ «Русское богатство», 1882, № 7, стр. 142.

¹ «Вестник Европы», 1884, кн. 2, стр. 745.

² «Русское богатство», 1883, № 7, стр. 182.

Отклики других либеральных критиков (А. Введенского в «Голосе», В. Чуйко в «Новостях» и др.) не отличались оригинальностью и ничего существенного в оценку «Власти земли» не внесли.

Реакционная критика, разумеется, осталась верна своему неприязненному отношению к демократическому направлению литературы, которое представлял Успенский. Характерна в этом отношении статья П. Щебальского, выступившего в «Русском вестнике» со статьей «Наши беллетристы-народники». Клеветнически приписав писателям-демократам пренебрежительное отношение к традициям Пушкина, Гоголя и Лермонтова, соратник Каткова далее утверждает: «Зато Чернышевский и Писарев суть непреерекаемые авторитеты в глазах этой части нашей беллетристики; от Некрасова она приняла гражданскую скорбь, а от Решетникова — пример писать неумытыми руками; на знамени ее красуется изображение «маститого сатирика» Щедрина, а во главе литературной молодой фаланги шествует г. Глеб Успенский». ¹ Если отвести злобный тон суждения, то лучшую аттестацию Успенскому трудно и представить. По адресу «Власти земли» в статье сказано: «Г. Успенский пишет ныне не повести и не рассказы, а какие-то не то исследования, не то деловые заметки о крестьянском быте, причем в доказательство открываемых им истин приводит рассказ спившегося с круга мужика». ² Статья Щебальского содержала выпады прямо доносительного характера. В защиту демократической литературы от нападок катковского органа выступили на страницах «Отечественных записок» и сам Успенский (за подписью «Г—в») со статьей «Позорительный бельэтаж» и Михайловский. ³

В выступлениях критиков о «Власти земли» значительное место заняло обсуждение художественной манеры Успенского, свойственного его очеркам сочетания образного воспроизведения картин действительности с публицистическими рассуждениями о проблемах этой действительности. Критики, отрицательно относившиеся к творчеству писателя, с большим злорадством и издевкой говорили об этой, по выражению критика «Недели», «литературной уродливости». Немало упреков по этому поводу пришлось услышать Успенскому и от своих «благожелателей». Так, в упоминавшейся статье Протопопова «Оборотная сторона медали» наряду с признанием художественной силы произведений Успенского говорится и о недостатках писателя. Яснее свою точку зрения критик высказал в своей позднейшей статье об Успенском, в 1890 году. «Чистый

¹ «Русский вестник», 1882, № 4, стр. 727.

² Там же, стр. 735.

³ См. «Отечественные записки», 1882, № 6, стр. 283—299.

художник по характеру своего дарования, — пишет Протопопов, — Успенский в то же время непременно хочет быть публицистом и даже полемистом, берется за дело, сравнительно говоря, черное и притом такое, которое мы, не художники, сделаем гораздо лучше его». ¹ Здесь сказалось, конечно, полное непонимание особенностей дарования и духовного склада писателя.

С большим пониманием и признанием Успенского-художника мы встречаемся в статьях «Вестника Европы». Мы уже приводили соответствующее суждение Е. Утина, высказанное по поводу очерков «Из деревенского дневника». С еще более горячей защитой Успенского выступает Арсеньев, подчеркивая новаторство писателя и закономерность избранной им манеры. «Деление литературы на строго определенные жанры, — заявляет критик, — отжило свой век; перегородки, некогда установленные эстетикой, потеряли свою объяснительную силу... Г. Успенский создал для себя особый литературный род — и совершенно прав, оставаясь ему верным». ² В другой статье этого же года Арсеньев об органичности публицистики в очерках Успенского писал: «Попробуйте зачеркнуть рассуждения во «Власти земли» или в других новейших очерках г. Успенского — получится ряд отрывочных картин, недостаточно связанных между собою, померкнет наполовину свет, вносимый автором в следующую им область».

Из литературных откликов, посвященных «Власти земли», отметим еще два. Первый из них принадлежит С. Н. Терпигореву, автору широко известных в то время очерков «Оскудение». Собираясь написать (но так и не осуществив своего намерения) серию очерков о крестьянском «оскудении», писатель в рецензии на книгу А. Н. Энгельгардта «Из деревни» заявлял: «Я не завистлив, но, грешный человек, двум людям позавидовал. Один раз Г. И. Успенскому, когда прочитал его «Власть земли», другой раз вот теперь Энгельгардту — отчего не я написал?» ³

Другой отзыв — А. И. Эртеля, испытавшего плодотворное влияние творчества Успенского и горячо его любившего. В 1884 году Эртель поместил в «Отечественных записках» очерк «Разговор» (в серии «Миниатюры»). В очерке содержится полемика по ряду вопросов с создателем «Власти земли»; Эртель против идеализации крестьянина-земледелца, в теории «власти земли» он усматривает серьезные противоречия с действительностью. ⁴

¹ М. А. Протопопов. Литературно-критические характеристики. СПб., 1896, стр. 340.

² «Вестник Европы», 1883, кн. 10, стр. 693.

³ «Новое время», 1882, № 2321, 15 августа.

⁴ См. «Отечественные записки», 1884, № 4, стр. 385—392.

Мы далеко не исчерпали откликов критики на очерки «Власть земли». Они будут появляться во многих статьях 80-х и более поздних годов, и в связи с творчеством Успенского и при обсуждении многих и многих вопросов русской общественной жизни. Все это говорит о значительности программного цикла Успенского, об огромной емкости содержания и большой художественной силе произведения.

4

Литературная деятельность Успенского в последующие годы, вплоть до трагического конца, постоянно находится в центре внимания общественности. Его имя не сходит со страниц литературных обзоров, его вновь выходящие произведения отмечаются критикой, жадно читаются широкой публикой. В то же время следует отметить, что многие выдающиеся достижения в творчестве Успенского 80-х годов не получили достаточно полного и глубокого истолкования. Такие циклы очерков и рассказов, как «Волей-неволей», «„Мы“ на словах, в мечтаниях и на деле», «Кой про что», «Живые цифры», «Поездки к переселенцам», отдельные рассказы и очерки — «Буржуй», «Паровой цыпленок», «На минутку» и др., находили в первую очередь признание у читателя, у выдающихся писателей — современников Успенского; выражения и образы из этих произведений быстро входят в газетную и журнальную публицистику. Но отзывы критики об этих очерках и рассказах редки и в целом малосодержательны. Так, например, очерки «Живые цифры» вызвали сочувственные отклики А. Введенского (в «Русских ведомостях»), А. Подосеновой (в «Волжском вестнике»), появилось также несколько информационных заметок; конечно, отрицательный отзыв об очерках дал В. Буренин (в «Новом времени»). С содержательной заметкой об очерках «Живые цифры» выступил в далекой Сибири ссыльный революционер Д. А. Клеменц на страницах «Сибирской газеты»; в критическом обзоре он обратил внимание читателей на глубокий социальный смысл нового произведения Успенского.

Причина недостаточного внимания печати к новым произведениям кроется, несомненно, в ущербности либеральной и народнической критики, оказавшейся бессильной по достоинству и своевременно оценить выдающиеся явления прогрессивной литературы.

Но если отдельные произведения Успенского 80-х годов не получили достаточно полного отражения в критике, то именно в этот период появляется все больше работ, авторы которых стремятся дать общую характеристику творчества писателя. Такие

характеристики появились, в частности, в связи с очерками «Власть земли». Кроме того, появление подобных работ было связано с выходом трех изданий собраний сочинений писателя (в 1883—1886 и в 1889—1891 гг.). Способствовало этому и двадцатипятилетие литературной деятельности писателя, отмеченное (правда, по настоянию юбиляра, весьма скромно) в 1887 году. В обобщающих критических очерках нашлось, конечно, место и произведениям Успенского 80-х годов.

В числе первых по времени обобщающих критических работ об Успенском следует назвать статью А. М. Скабичевского «Литература в жизни и жизнь в литературе», появившуюся в народническом журнале «Устой» в 1882 году. Статья печаталась одновременно с появлением в «Отечественных записках» первых очерков «Власти земли», но посвящена она анализу всего предшествующего творческого пути писателя. Следует отметить, что Скабичевский был одним из немногих критиков, внимательно следивших за литературной деятельностью Успенского; его рецензии, заметки, обзоры, появлявшиеся на страницах различных газет и журналов, могли бы составить весьма подробную хронику творчества писателя — с конца 60-х годов и до последних выступлений в печати.

Статью из «Устоев» Скабичевский в одном из изданий своих работ назвал «Глеб Успенский как разрушитель иллюзий». В этом заглавии хорошо схвачены основной пафос и основная ценность статьи. Ограниченность общих идейных позиций критика, редко поднимавшегося над уровнем весьма расплывчатого народнического либерализма и эклектизма, не подлежит сомнению. Сказалось это и в статье об Успенском: тут и обращение к Прудону, и квазинаучное оперирование биологическими факторами, и нечеткость социальных определений, и т. д. Но несомненно и другое: старому сотруднику «Отечественных записок» дорог демократизм Успенского, он ценит его горячую искренность, он хорошо видит враждебность писателя всяким догматическим представлениям о действительности, его бесстрашие в разрушении беспочвенных иллюзий, как бы они ни были дороги кому-либо, в том числе и самому писателю. Чувством теплой симпатии проникнута и последняя большая статья Скабичевского об Успенском, написанная в связи с выходом третьего тома Сочинений писателя (1891). В томе были помещены произведения, написанные в разные годы и на основании чрезвычайно разнородного материала. Перед читателем с особенной наглядностью предстала неутомимость писателя в изучении народной жизни, в проникновении художника-исследователя во все ее закоулки. На эту особенность и указывается в статье. «Вся

жизнь его, — пишет критик об Успенском, — является непрерывным метанием из одного конца России в другой, и все с одною непокидающею его заботой — думой о народе».¹

К самым значительным работам в домарксистской критической литературе об Успенском, безусловно, следует отнести уже упоминавшуюся статью Н. К. Михайловского, написанную в 1888 году для второго издания Сочинений писателя (впоследствии, уже после смерти Успенского, статья была расширена главным образом за счет биографического материала). Это — не единственное выступление критика об Успенском. Правда, связанный многолетней личной дружбой с писателем и совместной работой в одних и тех же печатных органах, Михайловский не всегда мог с должной полнотой и свободой говорить о нем. Все же на страницах многих статей народнического критика и публициста, одного из руководителей «Отечественных записок» и «Русского богатства», мы не раз встретим имя Успенского. Особенно существенным было «Письмо в редакцию» («Отечественные записки», 1883, № 12), посвященное выходу первых томов первого Собрания сочинений писателя. Здесь уже намечены многие положения статьи 1888 года, итоговой по своему характеру.

Михайловский — видный идеолог народничества, один из воиствующих противников марксизма. Его народнические взгляды нашли отражение и в статье об Успенском. «Нам незачем, — пишет он здесь, — проделывать весь скорбный и трудный опыт европейской истории... Но эту выстраданную Европой мысль мы должны чтить и именно ею оплодотворить те стихийные задатки величия и счастья, какие у нас имеются». Это, конечно, проповедь народнических идей. Когда Михайловский с особым вниманием останавливается на статье Успенского «„Трудовая жизнь“ и труженичество», то очевидно, что критика привлекают в ней мысли, дорогие ему, творцу народнической формулы прогресса. Для нас не может быть приемлемым и общее истолкование идейных и творческих исканий Успенского как поисков некоей абстрактной душевной гармонии. «Общий принцип, к которому могут быть сведены все волнения Успенского, — утверждает критик, — есть принцип гармонии, равновесия». Соответственно этой надуманной схеме разъясняются критиком и многие художественные особенности писателя. Огромный социально-исторический смысл произведений Успенского, злободневнейшего из художников, не привлек должного внимания субъективного социолога. Все это следует помнить при чтении

¹ А. Скабичевский. Сочинения в двух томах, 3-е издание, т. II. СПб., 1903, стлб. 284.

статьи Михайловского. Однако было бы непростительной ошибкой отвергнуть этот примечательный труд об Успенском, не выделив то ценное, что в нем, без сомнения, содержится.

В. И. Ленин в статье «Народники о Н. К. Михайловском», ни на минуту не забывая о глубоких заблуждениях идеолога народничества, в то же время отмечал: «Великой исторической заслугой Михайловского в буржуазно-демократическом движении в пользу освобождения России было то, что он горячо сочувствовал угнетенному положению крестьян, энергично боролся против всех и всяких проявлений крепостнического гнета, отстаивал в легальной, открытой печати — хотя бы намеками — сочувствие и уважение к «подполью»... и даже сам помогал прямо этому подполью».¹ Отмечаемый В. И. Лениным искренний демократизм Михайловского самым непосредственным образом сказывался в его критических выступлениях о писателях демократического лагеря, в статье об Успенском прежде всего.

В чем основная ценность критического очерка Михайловского об Успенском? Прежде всего здесь с полной основательностью и авторитетностью говорится о большом историческом значении литературной деятельности Успенского. «Глеб Успенский, — утверждает критик, — один из любимейших русских писателей», его творчество — «яркий, характерный факт истории русской литературы». Бросается в глаза исключительно широкая осведомленность критика во всем творческом наследии писателя. Это позволило Михайловскому высказать ряд ценных и тонких заключений о своеобразии Успенского-художника, о его умении сосредоточить внимание «на главном и существенном», о его исключительной страстности (он «живет с пером в руках») и субъективности, о том, что Успенский «приучил нас к выработанной им форме». Нельзя не прислушаться и к замечаниям критика о «сочетании» в произведениях Успенского «комического и трагического». «На дне каждого рассказа или очерка Успенского, — заключает на основании конкретного анализа автор статьи, — лежит глубокая драма». С рядом наблюдений и заключений критика об Успенском-художнике невозможно согласиться (таковы, например, рассуждения о некоем «аскетизме» художника, довольствующегося в своих поисках гармонии «если не схемой, так схимой»; таково замечание об очерках «Власть земли», в которых, по мнению критика, налицо «некоторое презрение к форме» и др.), но уже само внимание к эстетическим сторонам творчества писателя-демократа было важным и плодотворным. Ведь заявлял же тогда один из критиков об Успенском,

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 20, стр. 99—100.

что «никакой эстетический разбор... его произведений немислим, а возможен разбор только идейный».¹

Несомненным достоинством статьи Михайловского является также то, что он одним из первых обрисовал облик писателя, неповторимые черты его личности, поставив их в связь с особенностями творчества. В той части статьи, которая была написана уже после смерти Успенского, Михайловский говорит: «В Успенском каждый вершок был оригинален, как в короле Лире каждый вершок — король. Оригинален был ход его мысли, оригинальна форма его писаний, оригинален язык, письменный и устный, оригинальны его отношения к людям и весь склад его жизни».² Статья Михайловского оказала большое влияние на дальнейшее изучение наследия Успенского; своими ценными сторонами она не утратила значения и в настоящее время, хотя, разумеется, ее общая народническая основа для нас неприемлема.

В 80-е и 90-е годы, а также затем в связи с кончиной писателя, как уже отмечалось нами, появилось большое количество статей, авторы которых пытались дать обобщающую характеристику творчества Успенского, его места в русской литературе. Среди этих итоговых работ можно назвать уже упоминавшуюся статью М. А. Протопопова,³ серию статей Арс. Введенского,⁴ статьи А. Уманьского (А. А. Дробыш-Дробышевского),⁵ Р. А. Дистерло⁶ и др. Уровень большинства этих работ буржуазно-либеральных и народнических критиков не высок; творческая оригинальность Успенского в них раскрыта слабо, а социальная острота творчества писателя — революционного демократа, конечно, приглушена и приглажена.

Не смогла обойти молчанием широкое обсуждение творчества Успенского и реакционная печать. Мы уже упоминали В. П. Буренина, поместившего в «Новом времени» в 1884 году обширный критический очерк под заглавием «Беллетрист шестидесятих годов»; в этом очерке первый период творчества писателя тенденциозно противопоставляется его позднейшей литературной деятельности.

¹ «Мысль», 1882, № 1, стр. 132.

² Н. К. Михайловский. Литературно-критические статьи. М., Гослитиздат, 1957, стр. 403.

³ М. А. Протопопов. Глеб Успенский. Характеристика. — «Русская мысль», 1890, кн. VIII, IX, X.

⁴ См. в книге: А. И. Введенский. Литературные характеристики. СПб., 1903 (второе издание — СПб., 1910).

⁵ А. Уманьский. Бытописатель переходного времени. — «Русская мысль», 1902, кн. II, III.

⁶ Р. Д. <Р. А. Дистерло.> Г. И. Успенский. Критический очерк. — «Неделя», 1887, №№ 38, 39, 41, 42, 45, 47, 50 и 52.

Откликнулась на споры об Успенском также буржуазно-декадентская критика. В этом отношении характерен отзыв Д. Мережковского. В своей книге «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» он с похвалой говорит об Успенском, но смысл его творчества представляет совершенно искаженным. Самым характерным произведением крестьянского демократа Мережковский считает рассказ «Парамон-юродивый». «Вот величайший образ, созданный Гл. Успенским, — восклицает идеолог упаднического искусства. — Искатель правды божьей, страстотерпец, удрученный железными веригами, долго этот младенчески-кроткий и суровый образ русского народа не изгладится из нашей памяти».¹ Нечего говорить, что эта интерпретация творчества Успенского не имеет ничего общего с подлинным Успенским. Идеальная борьба и споры вокруг творчества выдающегося писателя продолжались и после того, когда деятельность самого писателя прекратилась.

Особое место в литературе об Успенском занимают статьи, воспоминания, отдельные заметки и высказывания, принадлежащие перу В. Г. Короленко. Его широко известная статья «О Глебе Ивановиче Успенском», написанная в связи с кончиной писателя, имеет подзаголовок: «Черты из личных воспоминаний». Характер личного, взволнованного, интимного отношения имеют и многие другие записи и высказывания Короленко о любимом им писателе, который сыграл большую роль в его собственной литературной судьбе. Еще о студенческой поре своей жизни Короленко вспоминает: «Когда приходила новая книжка «Отечественных записок», я тотчас же жадно кидался на нее... Я брал книгу, уходил с нею куда-нибудь в парк, в укромную аллею над прудом, и совершенно забывался за чтением Успенского, Щедрина, Михайловского».² Широко известно, какое большое значение имели для ссыльного начинающего писателя одобрительные слова Успенского о рассказе «Чудная».

Но было бы неверным относить высказывания Короленко лишь к серии мемуаров о писателе. Короленко, выдающийся художник слова, много и настойчиво размышлял о «секрете» исключительной действительности произведений Успенского. Его высказывания о писательской индивидуальности создателя «Нравов Растеряевой улицы» и «Живых цифр», «Разоренья» и «Власти земли» поражают глубиной и меткостью.

¹ Д. С. Мережковский. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы. СПб., 1893, стр. 71.

² В. Г. Короленко. Воспоминания о писателях. М., изд. «Мир», 1934, стр. 70.

Для Короленко Успенский — прежде всего писатель неповторимой творческой оригинальности и обаятельности. «Он был один, сам по себе, — пишет Короленко, — ни на кого не был похож, и никто не был похож на него. Это был уник человеческой породы, редкой красоты и редкого нравственного достоинства». Говоря о резкой субъективной окрашенности произведений Успенского, Короленко в то же время далек от суженного истолкования его творчества, ибо Успенский, ведя рассказ «от первого лица», «о своих ощущениях, о своей боли, своих исканиях и сомнениях», выражал «искания и сомнения целого поколения». Отмечая заслуги Успенского как выразителя сокровенных чаяний лучшей части интеллигенции, отдававшей все свои силы на служение народу, Короленко писал (в статье о Чернышевском): «Вся литературная биография Успенского, все, за что мы его так любим, весь захватывающий интерес его деятельности, художественной и публицистической, объясняется этой историей интеллигентной чуткой души, натянутой в поисках правды и жизненной гармонии на противоречия и диссонансы и все-таки не теряющей веры».¹

Короленко чрезвычайно ценил глубокий демократизм Успенского, его умение проникать в мир народной жизни и творчески его воссоздавать. Короленко был чужд примитивному представлению, согласно которому для создания произведений о народе писатель должен непременно происходить из народа. «Но ведь это ошибка, — писал в 1917 году Короленко одному начинающему литератору. — В ваших писаниях сквозит некоторое высокомерие: о мужицком деле что могут сказать «писатели не из народа». А между тем никто еще не описывал народную жизнь лучше дворянина Тургенева, или разночинца Успенского, или графа Толстого».² Короленко высказал также замечательные соображения о сочетании «образа и публицистики» в произведениях Успенского, об исторической обусловленности его творческих исканий.

Полны глубокого смысла суждения Короленко о характере юмора в произведениях Успенского, о месте его в русской литературе. В мемуарно-критическом очерке «Антон Павлович Чехов» (1904) Короленко писал: «... невольно приходит в голову сопоставление: Гоголь, Успенский, Щедрин, теперь — Чехов. Этими именами почти исчерпывается ряд выдающихся русских писателей с сильно выраженным юмористическим темпераментом... Пушкин называл Гоголя «веселым меланхоликом», и это меткое определение

¹ В. Г. Короленко. Собрание сочинений, т. 8. М., Гослитиздат, 1955, стр. 65.

² Там же, т. 10, стр. 563—564.

относится одинаково ко всем перечисленным писателям... Гоголь, Успенский, Щедрин и Чехов...»¹

Короленко, к сожалению, не довелось осуществить замысел — написать книгу об Успенском, материалы для которой он собирал на протяжении многих лет. Однако несомненно, что он успел составить четкое и твердое представление обо всех этапах творческой биографии писателя. Так, в 1909 году он решительно отверг ряд утверждений, содержащихся в статье видного деятеля народнического движения О. В. Аптекмана «Страница из „скорбного листа“ Гл. И. Успенского» (статья была прислана в редакцию журнала «Русское богатство», где и напечатана в № 7 за 1909 г.). Автор статьи, в частности, пытался преуменьшить значение произведений Успенского, созданных в 60-е годы, и поставить дальнейший расцвет творчества писателя целиком в связь с народническим движением 70-х годов. Короленко восстает против таких представлений о деятельности Успенского. «Это, — заявляет он в письме к Аптекману, — партийный эскамотаж и сужение широкой души Успенского... Успенский начал писать в 1862 году... Написал в это десятилетие (с начала шестидесятых до начала семидесятых) «Нравы Растверяевой улицы», «Разоренье» и др. Это расцвет, можно сказать, «разгул» молодого таланта, и не доказывает ли он, что Успенский вовсе не дожидался «движения семидесятых годов», чтобы «выпрямиться»... В десять лет — 1863—1873 — Успенский уже весь сложился как писатель, и в семидесятые годы он вошел готовый, с той же любовью к правде и даже с той же рефлексией».² Возражает Короленко и против «расширенного отождествления самого Успенского с его героями, от имени которых иной раз ведется рассказ».³

Статьи, воспоминания, отдельные записи в дневниках, «Записных книжках», письма Короленко — все это в своей совокупности представляет чрезвычайно ценный источник для осмысления творчества и жизненного облика Успенского. Без этого источника нельзя и представить себе портрет Успенского — писателя и человека.

Из характеристик, появившихся уже после смерти Успенского, привлекают внимание страницы, посвященные писателю в известной книге патриарха народнического движения П. А. Кропоткина — «Идеалы и действительность в русской литературе». Высказанные здесь суждения интересны прежде всего тем, что они адресованы зарубежному читателю и являются пропагандой творчества Успен-

¹ В. Г. Короленко. Собрание сочинений, т. 8. М., Гослитиздат, 1955, стр. 94.

² Там же, стр. 441.

³ Там же, стр. 442.

ского за рубежом, хотя сама характеристика писателя в книге, конечно, далеко не бесспорна. Примечательно, однако, что и здесь мы встречаем слова о большой творческой оригинальности художника-демократа. «Он представляет сам по себе, — заявляет Кропоткин, — отдельную литературную школу, и я не знаю ни одного писателя во всемирной литературе, с которым можно было бы его сравнить».

Большой интерес имеют высказывания об Успенском, принадлежащие ряду выдающихся деятелей русской литературы XIX века. Хотя эти высказывания в свое время и не стали достоянием широкой общественности (они содержатся главным образом в переписке и воспоминаниях современников), но их ценность неоспорима: во-первых, они становились часто известными самому писателю и оказывали какое-то воздействие на его творчество; во-вторых, эти высказывания, став впоследствии достоянием широкой литературной общественности и читателей, предстали как ценные свидетельства об отношении Успенского к литературному миру его времени, о признании его — часто раньше выступлений критиков и независимо от критиков — выдающимися художниками русского слова.

В письмах Салтыкова-Щедрина, ближайшим соратником которого был Успенский, содержится ряд важных суждений сурового и глубоко принципиального руководителя «Отечественных записок». Салтыков-Щедрин, высоко ценя сотрудничество Успенского, особенно дорожа его произведениями о народной жизни, в то же время непримирим к его народническим заключениям. Примечательно, что как редактор Салтыков-Щедрин считал возможным вносить соответствующие изменения в некоторые произведения Успенского, подтверждая этим самым, что народнические заблуждения были не характерны для автора очерков «Из деревенского дневника» и «Власти земли» и противоречили общему направлению его творчества.

О выдающихся заслугах писателя перед литературой и обществом говорили Тургенев и Л. Толстой, Гаршин и Мамин-Сибиряк. Тургенев и Толстой ценили творческую оригинальность Успенского, однако для них во многом был неприемлем присущий его произведениям «сплав образа и публицистики», о котором говорил Короленко. Для Гаршина и Мамина-Сибиряка произведения писателя-демократа — предмет горячего восхищения; эстетические принципы Успенского им дороги и глубоко родственны.

Мы рассмотрели довольно обширный ряд критических суждений об Успенском, имевших место в основном еще при жизни писателя. Здесь и статьи критиков, и отдельные высказывания деятелей литературы, и разнородные отклики прессы различных на-

влений. В этом материале немало метких оценок, плодотворных наблюдений, авторитетных характеристик. И все же надо отметить, что подлинно разностороннее истолкование и признание огромного социально-исторического смысла творчества Успенского, его роли в общественном движении России было еще впереди. Ни народническая, ни буржуазно-либеральная критика, в силу своей очевидной ограниченности, не могли и помышлять о такой разносторонней и исторически точной оценке Успенского. Отдельные глубокие замечания, содержащиеся в высказываниях Короленко, Салтыкова-Щедрина и других выдающихся деятелей литературы, не могли, разумеется, заменить всестороннего и глубокого анализа всего творчества писателя. Такой анализ, опирающийся на точное знание русской действительности и на подлинно научную методологию, смогла дать лишь марксистская критика.

5

Имя Успенского стало появляться в марксистской критике и публицистике еще при жизни писателя и в тот период, когда голос народнических и буржуазно-либеральных критиков был преобладающим. О марксистских выступлениях — в силу известных исторических условий — знал сравнительно неширокий круг читателей и участников революционного движения. Вряд ли был знаком хотя бы с частью этих выступлений и сам Успенский (но о некоторых из них, например о статье Плеханова, он был уведомлен). Еще меньший круг читателей знал о тех оценках и высказываниях ранних русских марксистов об Успенском, которые содержались в переписке, в устных спорах с народниками, в биографических признаниях и т. п. Эти документы стали известны гораздо позже. Однако все эти выступления и высказывания кладут начало новым оценкам литературы, в том числе и оценке творчества Успенского.

Еще одна характерная особенность первых обращений марксистов к творчеству Успенского. Настоятельная потребность в таком обращении возникла в период непримиримой борьбы марксистов с народничеством, в ходе выработки марксистских воззрений на русский исторический процесс, особенно на пореформенные отношения в России. Как известно, и необходимость борьбы с народниками, и выработка марксистских воззрений на русскую действительность диктовались насущными требованиями пролетарского революционного движения. Русская реалистическая литература давала богатый жизненный материал — и фактов и их глубокого истолкования — для познания действительности.

Сказанное делает понятным, почему зачинатель революционного марксизма в России Г. В. Плеханов, основатель группы «Освобождение труда», счел необходимым выступить на страницах органа этой группы с большой статьей о творчестве Успенского. Уже в первых крупных марксистских работах Плеханова встречается имя Успенского. В книге «Социализм и политическая борьба» (1883) формула «власть земли» используется для характеристики крестьянского мировоззрения. В работе «Наши разногласия» (1885) обращения к творчеству Успенского носят еще более непосредственный характер; писатель здесь отнесен «к известным своим беспристрастием исследователям народной жизни». ¹ Произведения Успенского дают Плеханову веские доводы для доказательства влияния «денежного хозяйства на разложение первобытного коммунизма... в применении к семейной общине». ² В то же время в книге указывается и на некоторые народнические утопии Успенского. ³

Специально характеристике писателя Плеханов посвятил статью «Гл. И. Успенский», появившуюся в 1888 году в женевском сборнике «Социал-демократ» и открывавшую цикл статей под общим заглавием «Наши беллетристы-народники».

Нас не должно смущать то, что Успенский здесь отнесен к писателям-народникам. Народническую беллетристику Плеханов всегда отделял от народнического течения в целом. «Народничество как литературное течение, стремящееся к исследованию и правильному истолкованию народной жизни, — писал он, — совсем не то, что народничество как социальное учение, указывающее путь «ко всеобщему благополучию». Первое не только совершенно отлично от другого, но оно может... прийти к прямому противоречию с ним». Успенский, по определению Плеханова, был именно таким народником. «Самый наблюдательный, самый умный, самый талантливый из всех народников-беллетристов, Гл. Успенский... пришел к тому, что подписал смертный приговор народничеству и всем «программам» и планам практической деятельности, хоть отчасти с ним связанным». Этот антинароднический в своей основе характер творчества Успенского Плеханов подчеркивал неоднократно, хотя не закрывал глаза и на несомненные народнические заблуждения писателя.

Обстоятельства, место и время появления статьи Плеханова, проблематика, само построение работы показывают, что обращение

¹ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. I. М., Госполитиздат, 1956, стр. 159.

² Там же, стр. 256.

³ См., там же, стр. 362.

марксистского деятеля к творчеству Успенского преследовало цели не только литературные. Появившись в обстановке развернувшейся борьбы русских марксистов с народничеством, статья стала одним из документов этой борьбы. Произведения Успенского с их богатством картин русской жизни, с их глубокими писательскими раздумьями о судьбе народной давали благодарный и разносторонний материал для анализа русской пореформенной действительности.

В чем состоит основное положительное значение статьи Плеханова об Успенском? Прежде всего в том, что критик-марксист рассматривает творчество Успенского в связи с социальными условиями, определившими как содержание его произведений, так и мировоззрение писателя. Субъективистские догадки народнической критики не объясняли и не могли объяснить ни особенностей проблематики, ни своеобразия художественной формы очерков и рассказов Успенского. Воскрешая традиции революционно-демократической критики, Плеханов в творчестве Успенского вскрывает не только то, что намеревался изобразить писатель, но и то, что объективно отразилось в его произведениях в силу жизненной правды, которой он следовал. Это позволило Плеханову показать антинароднический смысл лучших произведений, картин и образов Успенского. В то же время Плеханов с марксистских позиций вскрыл иллюзорность тех народнических верований, которые так и не смог до конца изжить Успенский. В статье, посвященной преимущественно произведениям Успенского 70—80-х годов, начиная с очерков «Из деревенского дневника» (причины этого совершенно понятны из сказанного нами выше), содержится немало ценных наблюдений и заключений критика об отдельных образах, картинах, творческой манере писателя.

Статья Плеханова, однако, страдает, на наш взгляд, и элементами ограниченности, противоречивости. Самым общим и существенным недостатком позиции Плеханова явилось то, что он недостаточно четко вскрыл истинные основы демократизма Успенского и писателей-народников. На основании того, что главными участниками народнического движения были представители разночинцев, Плеханов в основном говорит об их социальном облике, тогда как сами разночинцы были, в свою очередь, как известно, выразителями интересов широких народных масс. Противоречива в статье Плеханова оценка Успенского-художника. С одной стороны, критик признает большую художественную силу его произведений, с другой — он осуждает отступления писателя-демократа от привычных эстетических канонов, недооценивает его глубокое художественное новаторство. Соответствующих критических замечаний по адресу Успенского немало в статье Плеханова.

Указанные недостатки не должны заслонять от нас большого исторического значения критического труда Плеханова. По отношению к Успенскому статья обозначила рубеж, с которого начался новый период в изучении творчества писателя. Следует отметить тот факт, что статья Плеханова в 1892 году была с сокращениями переведена на немецкий язык и напечатана в органе германской социал-демократии «Neue Zeit». Это, без сомнения, пробуждало внимание к творчеству Успенского и за пределами России.

В последующих трудах — литературных, философских, социально-экономических, исторических — Плеханов также не раз обращался к произведениям высоко ценимого им писателя. В большинстве случаев Плеханов привлекает Успенского для того, чтобы нанести поражение народникам, показать несостоятельность их представлений о русской действительности. Антинароднический характер произведений Успенского Плеханов всюду подчеркивает с особой настойчивостью.

Очень существенны высказывания Плеханова об Успенском, содержащиеся в статье 1895 года «Пессимизм как отражение экономической действительности. (Пессимизм П. Я. Чаадаева)». «Среди наших беллетристов-народников, — пишет здесь Плеханов, — нет решительно ни одного, зараженного пессимизмом в такой мере, как Г. И. Успенский. Зато, правда, между ними нет также ни одного, который мог бы выдержать сравнение с ним по меткости своих характеристик и по глубине своего взгляда. Он видел многое из того, что не заметили другие. Он и страдал больше, чем эти другие». ¹ Как выясняет Плеханов, пессимизм Успенского направлен против народнических иллюзий. Приведа картину, зарисованную писателем в очерке «Мелочи путевых воспоминаний», Плеханов восклицает: «Да как же человек, ее нарисовавший, мог оставаться народником?» Плеханов считает, что народнические иллюзии самого Успенского не характерны для его художественных картин и проявляются лишь в его публицистике. «Как публицист, Г. И. Успенский остался народником вплоть до перерыва, так несвоевременно случившегося в его литературной деятельности. Как художник, он уже задолго до этого перерыва беспощадно разрушил все главные положения народничества». ²

В этой же статье содержится очень важное заключение о материалистическом характере воззрений Успенского на действительность. Сравнивая взгляды писателя-реалиста с воззрениями Чаада-

¹ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. X. М.—Л., Госиздат, 1925, стр. 149.

² Там же, стр. 151.

ева, Плеханов пишет: «Их взгляды на русскую народную жизнь были диаметрально противоположны в своих основаниях. П. Я. Чаадаев объяснял жизнь народа его взглядами (преимущественно его религией)... Г. И. Успенский объяснял взгляды народа его жизнью, мирозерцание русского крестьянина — условиями земледельческого труда. П. Я. Чаадаев был идеалист. Г. И. Успенский очень близко, хотя и бессознательно, подошел к материалистической философии истории». ¹ Следовало бы добавить, что Успенский подошел к этим взглядам не столь уже «бессознательно», что он опирался на традиции революционных демократов.

Антинародническую направленность творчества Успенского Плеханов подчеркивал и в статье о писателе-народнике Н. И. Наумове (1897). «Народническая интеллигенция, — говорится здесь, — имела все основания быть недовольной Г. И. Успенским: пытливая мысль этого замечательного человека разлагала одно за другим все главные положения народничества и подготавливала почву для совершенно иных взглядов на нашу народную жизнь». ² Несомненно, что под «иными взглядами» Плеханов имел в виду марксизм. Данное суждение перекликается с тем, что будет сказано об Успенском несколько лет спустя в ленинской «Искре».

Ценные высказывания об Успенском содержатся и в ряде других работ Плеханова, не говоря уже о том, что ссылки на Успенского, упоминания, меткие слова из его произведений — частое явление в публицистике и научных трудах выдающегося пропагандиста и теоретика марксизма. Плеханов превосходно знал художественное наследие Успенского и непрестанно прибегал к нему как к боевому оружию.

Еще почти не привлекали внимания в научной литературе высказывания об Успенском других ранних русских марксистов, между тем уже сам факт активного обращения деятелей рабочего движения к творчеству писателя-демократа полон глубокого смысла.

Из членов группы «Освобождение труда» вслед за Плехановым не раз высказывалась об Успенском В. И. Засулич, хотя специальной работы на эту тему она и не написала. В статье «Наши современные литературные противоречия» (1890) Засулич, характеризуя народническую беллетристику, доказывает, что смысл реалистических картин действительности, зарисованных бытописателями народной жизни, в корне противоречит народническим доктринам.

¹ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. X. М.—Л., Госиздат, 1925, стр. 151—152.

² Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. V. М., Соцэжгиз, 1958, стр. 144.

Для подтверждения своих мыслей критик, как и Плеханов, ссылается и на произведения Успенского. Знаменательна историческая параллель, которая приводится В. И. Засулич в ее книге «Жан-Жак Руссо» (1896). В свое время Ткачев не без оснований иронизировал над Скабичевским, сопоставившим Успенского и Златовратского с Вольтером и Руссо. Действительно, эта внешняя аналогия ничего плодотворного для понимания названных писателей не давала. Иной характер носит сопоставление взглядов Руссо на жизнь и быт швейцарского народа со взглядами и заключениями Успенского о крестьянской жизни пореформенной России. Сходные исторические обстоятельства приводили к аналогичным изменениям в жизни разных народов. И в ряде других статей соратница Плеханова высоко оценивала заслуги Успенского как правдивого исследователя-художника, как творца замечательных произведений о русской народной жизни.

Положительную оценку классиков марксизма-ленинизма получили работы И. А. Гурвича, выступившего в 80—90-х годах с рядом марксистских исследований о русской пореформенной деревне. В своей книге «Экономическое положение русской деревни» (она вышла в 1892 г. на английском языке в Нью-Йорке) Гурвич в ряде случаев опирается на произведения Успенского. Здесь он дает ему ту ставшую известной характеристику, которую В. И. Ленин процитировал в труде «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» Уместно привести и некоторые другие суждения Гурвича об Успенском, так как его книга, переведенная в 1896 году с английского на русский язык А. Саниным, получила широкое распространение в марксистских кругах. В предисловии к русскому изданию книги автор по поводу взглядов на сельскую общину, в частности, писал об Успенском: «Никто так много не сделал, как он, для развенчания иллюзии мужицкого «коммунизма». С этой стороны Глеб Успенский ждет еще оценки экономической критики».¹ Это признание экономиста, стремившегося с марксистских позиций подойти к социальным явлениям пореформенной действительности, конечно, знаменательно.

Мало известны широкому читателю и суждения об Успенском видного руководителя ранних марксистских кружков в России Н. Е. Федосеева, также высоко ценившего В. И. Лениным. Хорошо знал Федосеева и А. М. Горький. Федосеев, как это можно заключить по его письмам и по дошедшим до нас работам, много и углубленно занимался крестьянским вопросом

¹ И. Гурвич. Экономическое положение русской деревни. М., Госполитиздат, 1941, стр. 2.

в России. Его выступления против народничества сыграли в свое время большую роль.

Из писем Федосеева видно, что он широко и разносторонне знал русскую литературу, что творчество ряда писателей имело немаловажное значение в формировании его взглядов на русскую действительность. Г. И. Успенский был в числе тех писателей, которых хорошо знал и любил Федосеев. В одном из тюремных писем (большая часть его краткой жизни прошла в тюрьмах и ссылке) он, в частности, говорит: «Читаю Летурно и схожу с ума над Успенским и Михайловским, благо помню их чуть не наизусть».¹ В другом письме для доказательства правоты своих воззрений на современную деревню он вспоминает «деревенского сироту» Федюшку-копокрада и его историю, рассказанную в очерках Успенского «Из деревенского дневника», вспоминает Федосеев также и «мужичонку» из «Живых цифр», «который платит подати „спуста“». «Вот он, пролетариат!» — восклицает Федосеев.² В другом случае он обнаруживает прекрасное знание Успенского, разъясняя своему товарищу по революционной работе смысл ряда произведений писателя, говорит о роли в них повествователя, рассказчика, которого нельзя отождествлять во всех случаях с автором. На очерк Успенского «Книжка чеков» ссылается Федосеев в письме к Михайловскому, полемизируя с идеологом народничества по вопросам истолкования фактов современной деревенской действительности. Следует указать, что письма Федосеева из тюрьмы не носили только частного характера — в них нередко разъяснялись существенные вопросы марксистской теории, они становились пропагандистским материалом в руках друзей и соратников Федосеева. «Эти нелегальные письма, — говорится в «Истории КПСС», — ходили по рукам, их жадно читали в подпольных революционных кружках».³

Среди ранних поборников марксизма следует отметить упомянувшегося нами А. Санина, близкого друга Федосеева. О переводческой деятельности Санина хорошо знал В. И. Ленин. В связи с нашей темой привлекают внимание статьи Санина в «Самарском вестнике», страницы которого в 1896—1897 годах стали доступны для марксистских выступлений.⁴ В большой статье «Новые слова»

¹ Н. Федосеев. Статьи и письма. М., Госполитиздат, 1958, стр. 49.

² Там же, стр. 57.

³ «История КПСС». М., Госполитиздат, 1959, стр. 33.

⁴ См.: А. Санин. «Самарский вестник» в руках марксистов (1896—1897). М., изд. О-ва политкасторжан, 1933; Н. А. Самойлов. «Самарский вестник». Из истории марксистской журналистики. М., изд. «Молодая гвардия», 1931.

(«Самарский вестник», 1896, №№ 224, 228, 234, 243), посвященной разъяснению разногласий между марксизмом и народничеством, Санин подробно излагает взгляды марксистов на пореформенную деревню и, как это характерно и для других работ ранних марксистов, подкрепляет свои аргументы многочисленными ссылками на произведения Успенского, особенно на очерки «Из деревенского дневника».

Примеры активного обращения к творчеству Успенского в марксистской критике и публицистике 90-х годов можно увеличить. Эти частые обращения ранних марксистов к крестьянским очеркам писателя раскрывают конкретный смысл слов, высказанных в 1902 году ленинской «Искрой» в связи с кончиной Успенского: «Первым русским марксистам-революционерам, т. е. тем марксистам, для которых марксизм был не только научной теорией, а теоретической основой практической программы, эти очерки Г. Успенского помогали конкретно выяснять и себе и другим свою историческую теорию».

6

В эту же пору борьбы с народничеством, активного обоснования и развития марксизма в России, в период решительной борьбы за создание марксистской рабочей партии, не прошел мимо творчества Успенского и В. И. Ленин.

Гениальные труды В. И. Ленина, посвященные характеристике пореформенной русской действительности, разоблачению народнической идеологии, разработке важнейших теоретических и практических вопросов русского революционного движения, имеют основополагающее значение для понимания всей русской литературы. При изучении творчества Успенского и особенно его произведений, посвященных крестьянской теме, развитию капитализма, судьбам интеллигенции, труды В. И. Ленина имеют не только общее историко-методологическое значение, но дают ключ к уяснению многих совершенно конкретных вопросов, занимавших писателя.

Успенский принадлежал к числу тех художников слова, о произведениях и деятельности которых В. И. Ленин высказывался неоднократно. «К Успенскому, — по свидетельству А. В. Луначарского, — Ленин относился с особенной любовью». Об этом же говорят в своих воспоминаниях Н. К. Крупская, Вл. Д. Бонч-Бруевич и др.

Ссылки на сочинения Успенского, упоминания образов из его произведений, употребление слов и выражений, восходящих к его творчеству, содержатся в ряде работ В. И. Ленина: «Что такое

«друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», «Экономическое содержание народничества», «Развитие капитализма в России» и другие. Проблематика этих трудов и время их создания являются показателями того, какие стороны творчества писателя и какие его произведения в наибольшей мере привлекали внимание В. И. Ленина.

Уже в первом программном произведении В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» (1894) мы находим, как указывалось выше, высказывания об Успенском. Именно здесь приведена характеристика писателя, принадлежащая перу И. А. Гурвича. В. И. Ленин процитировал его книгу еще до появления ее на русском языке, дав таким образом свой перевод указанного суждения. Характеристику, данную Гурвичем, В. И. Ленин назвал «очень меткой», определив тем самым и свое отношение к Успенскому. Существенно в приведенной оценке то, что антинароднический смысл произведений писателя о деревне поставлен в связь с дарованием художника слова, подчеркнуто его «превосходное знание крестьянства», отмечается его «громкий артистический талант», проникавший «до самой сути явлений». В. И. Ленин не опустил при цитировании этой части характеристики, хотя, казалось бы, непосредственного отношения к разоблачению народнической позиции она не имеет.

В труде «Капитализм в сельском хозяйстве» (1900) В. И. Ленин, касаясь народнических иллюзорных представлений о возможности коллективного крестьянского хозяйства в условиях капитализма, сослался на сочинения А. Н. Энгельгардта и Гл. Успенского. Как очевидно, здесь имеются в виду прежде всего такие произведения Успенского, как «Крестьянин и крестьянский труд» и «Власть земли», где в уста Ивана Ермолаевича и Ивана Босых вложено самое беспощадное опровержение народнической веры в крестьянина-общинника как носителя идей коллективизма, общинной спаянности и т. д. Эта ссылка В. И. Ленина подчеркивает глубокий жизненный смысл образов, созданных Успенским. Для подтверждения фальши народнических представлений о деревне В. И. Ленин ссылается на произведения Успенского и в «Развитии капитализма в России».

В работе «Экономическое содержание народничества» (1895) при разборе статьи «старого народника» «Новые всходы на народной ниве» В. И. Ленин приводит, в частности, рассуждения народника, в которых цитируются очерки Успенского «Из деревенского дневника»: «Народ, как говорит Успенский, именно опутан каким-то туманом, сбивающим неопытного человека с толку и пути». Приведя эти и последующие слова Успенского, Ленин замечает: «Что

верно, то верно!»¹ и далее показывает непоследовательность народного, не сумевшего сделать правильные выводы из меткого суждения писателя.

Большое значение для общей оценки Успенского и его произведений на крестьянскую тему имеет замечание В. И. Ленина в его записях к реферату «Аграрная программа социалистов-революционеров и социал-демократов» (1903). Анализ высказывания позволяет установить, что здесь речь идет об очерках Успенского «Крестьянин и крестьянский труд». Сравнение точки зрения писателя на общину с воззрениями Энгельса показывает, как исключительно высоко ценил В. И. Ленин творчество Успенского, особенно его произведения о пореформенной деревне. Об этом говорит и характеристика, которую дал В. И. Ленин в выступлении на заседании Петроградского Совета в 1919 году Успенскому, назвав его одним «из лучших писателей, описывавших крестьянскую жизнь...»²

Не менее дорожил В. И. Ленин и теми произведениями писателя-демократа, в которых занимали большое место вопросы развития капитализма. Выражения «господин Купон», «власть денег», восходящие к произведениям Успенского, неоднократно встречаются в трудах В. И. Ленина.

Суждения В. И. Ленина, связанные с творчеством Успенского, в совокупности охватывают почти все главные этапы творческого пути писателя: от 60-х (очерк «Будка») до конца 80-х годов (очерки «Живые цифры») и касаются почти всех его главнейших произведений о русской пореформенной деревне, о развитии капитализма в России («Не воскрес», «Из деревенского дневника», «Крестьянин и крестьянский труд», «Равнение „под одно“», «Власть земли», «На Кавказе», «Трудами рук своих», «Живые цифры»). Эти суждения В. И. Ленина об Успенском — громадной важности свидетельство исторического значения творчества выдающегося писателя-демократа.

К высказываниям В. И. Ленина об Успенском непосредственно примыкает статья ленинской «Искры» (без подписи) — «По поводу смерти Г. И. Успенского». Исторические заслуги писателя перед русским освободительным движением, перед русской литературой в статье очерчены со всей четкостью и точностью. В то же время здесь указано и на те не преодоленные писателем противоречия, которые делали его «народником в том смысле, что для него не было типа лучше, желаннее крестьянина, живущего при натуральном хозяйстве», хотя сам же «глубоко правдивый художник и мыс-

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 1, стр. 329.

² Там же, т. 29, стр. 10.

литель» показывал всю «безнадежность мечтаний о сохранении как любимого типа, так и всего старого быта и старых крестьянских учреждений при новых экономических условиях». Уместно отметить, что в этой характеристике нет места противопоставлению Успенского-публициста Успенскому-писателю, художника — мыслителю, о чем так долго и усердно писали и говорили критики самых различных направлений.

Высказывания В. И. Ленина, статьи Г. В. Плеханова, суждения ранних русских марксистов, статья «Искры» полны глубокого смысла; их значение для понимания всего творческого наследия Успенского исключительно велико. Оценки, данные деятелями марксизма, положили конец народническому истолкованию творчества писателя, определили социальный пафос и точный историко-познавательный смысл его произведений. Выдающийся писатель, замечательный художник слова получил подлинно высокое признание, его место — в ряду лучших представителей великой русской литературы.

7

Творчество Г. И. Успенского является неотъемлемой частью великой культуры прошлого, унаследованной советским народом. Деятеля советской культуры и литературы, советские литературоведы, опираясь на высказывания В. И. Ленина, на ценные суждения об Успенском, высказанные дореволюционной критикой, сделали немало для того, чтобы произведения писателя-демократа нашли путь к самому широкому кругу читателей.

Неустанным пропагандистом и талантливым истолкователем русской классической литературы был, как известно, А. В. Луначарский. В своих многочисленных и разносторонних выступлениях по вопросам литературы и искусства, по вопросам строительства советской культуры он не раз говорил об Успенском, хотя специальной работы о нем не написал. В своих оценках писателя-демократа Луначарский опирается не только на непосредственные ленинские высказывания об Успенском, но и на всю совокупность трудов В. И. Ленина о литературе, исходит из политики партии по отношению к наследию классиков. Недаром самые значительные высказывания Луначарского об Успенском мы находим в его программной работе «Ленин и литературоведение». Очень важно указание Луначарского на то, что было бы неправильным и недостаточным при изучении Успенского ограничиваться повторением сказанного в трудах В. И. Ленина. Ставя задачи перед советскими

литературоведами по дальнейшему изучению наследия Успенского, Луначарский говорит: «Здесь, как и всюду в области литературоведения, предстоит проделать огромную работу; но эта работа может вестись только на базе ленинских указаний».

С пристальным вниманием относились к творчеству Успенского такие деятели нашей партии, как В. В. Воровский, С. М. Киров, Н. К. Крупская. Их суждения помогают раскрытию существенных сторон наследия писателя.

Совершенно закономерно, что широкий и всесторонний интерес к творчеству Успенского проявляли и проявляют советские писатели. Демократические традиции писателя, художественное мастерство создателя «Нравов Растеряевой улицы», «Живых цифр», весь облик Успенского — поборника социальной справедливости, великого народолюбца — не могут не привлекать творцов самой демократической литературы в мире. С особенным вниманием к творчеству Успенского, к его духовному облику подходили те из писателей, деятельность которых началась еще в дореволюционную пору и для которых «Власть земли» и «„Четверть“ лошади» были во многом еще явлениями современности.

Глубоко ценил и любил творчество Успенского А. С. Серафимович. Встретившись в начале творческого пути с заканчивавшим свою деятельность Успенским, пролетарский писатель навсегда сохранил благодарную память о чутком и благожелательном наставнике, о его большом человеческом сердце. В дореволюционных произведениях Серафимовича отчетливо видны следы благотворного воздействия демократического творчества Успенского. В 1917 году, готовясь к докладу «Писатель и народ», Серафимович, естественно, остановился и на деятельности Успенского. Рассматривая его в ряду писателей-народников, докладчик отмечал: «Во главе их чистейший сердцем, благороднейший, единственный из людей — Глеб Успенский. Это изболевшее о народе кристальное сердце умерло от тоски по народу. И не знаю, кто другой так чутко, так больно изображал мужика... Успенский, когда писал, слез не мог удерживать, — ведь это он о родных детях писал». ¹ В то же время Серафимович не соглашался с теорией «власти земли» Успенского. В последующие годы в ряде выступлений, и особенно в статье «Глеб Успенский» (1948), Серафимович настойчиво говорил о живом значении наследия Успенского для строительства нашей культуры, для воспитания народных масс, для развития советской литературы.

¹ «А. С. Серафимович. Сборник неопубликованных произведений и материалов». М., Гослитиздат, 1958, стр. 284—285.

О благотворном и непосредственном воздействии творчества Успенского на развитие советской литературы свидетельствует деятельность ряда писателей. В. Вересаев, М. Пришвин, В. Овечкин и другие мастера рассказа, очерка, художественной публицистики не раз говорили об исторической роли Успенского, о созданных им образах, его литературных приемах.

С подлинно всеобъемлющей разносторонностью подходил к писателю-демократу основоположник литературы социалистического реализма А. М. Горький. В своем творчестве, в своих многочисленных высказываниях, в своей организаторской деятельности руководителя молодой советской литературы Горький был воплощением живой связи новой культуры с классическими традициями прошлого; Успенский для Горького — один из творцов этого великого наследия.

Горький не оставил нам специального труда об Успенском, но на протяжении буквально всей своей литературной деятельности он так много и так проникновенно говорил о писателе, его творчестве, мировоззрении, облике, что, собранные воедино, эти суждения сто́ят монографического исследования. Начав интересоваться произведениями Успенского еще до своего вступления в литературу, Горький затем испытывал и увлечения Успенским и критическую настороженность к нему, но равнодушным к его художественным созданиям он не был никогда.

В высказываниях Горького легко различимы основные аспекты подхода к Успенскому. Во-первых, значительная часть высказываний посвящена разъяснению того влияния творчества Успенского, которое испытал при формировании своих воззрений и в своей писательской деятельности сам Горький. В «Беседах о ремесле», как бы суммируя весь тот разнообразный литературный материал, который входил в его творческое сознание, он заявлял: «Я думаю, что на мое отношение к жизни влияли — каждый по-своему — три писателя: Помяловский, Глеб Успенский и Лесков».

Вторую группу высказываний можно назвать суждениями Горького — историка литературы. Здесь Горький стремится понять и определить место Успенского в историко-литературном процессе — в истории русского критического реализма, в демократической литературе, в истории общественного сознания. Эта группа высказываний особенно велика; характеристики, даваемые Успенскому в историческом плане, исключительно глубоки и разносторонни. Место Успенского в русской и мировой литературе для Горького — в числе крупнейших деятелей, создателей подлинно передового и действительного искусства. Книги Успенского названы Горьким в ряду тех произведений, «которые предстают перед нами как изумительно

обработанные в образе и слове сгустки мысли, чувства и горьких, жгучих слез мира сего».

Наконец, третья большая группа суждений Горького содержится в его многочисленных выступлениях, связанных с руководством советской литературой. Горький всегда подчеркивал огромное значение культурного наследия прошлого для строительства нашей культуры, формирования сознания широчайших масс, воспитания и роста новых мастеров художественного слова. Горький считал, что и в данном отношении творчество Успенского не утратило своего живого, практического значения.

В суждениях Горького как бы подытожено все то лучшее, что было высказано критикой об Успенском за весьма длительный период — от первых откликов на первые шаги в его литературной деятельности и кончая оценками, прозвучавшими уже в наше, советское время. Критическая литература об Успенском содержит немало драгоценных страниц. Эти страницы помогают нам яснее представить живой облик писателя, делают более близкими и понятными его художественные создания, служат дальнейшему, все более глубокому раскрытию их общественно-исторического смысла, их неповторимого творческого своеобразия.

Н. Соколов,

В. И. ЛЕНИН

О Г. И. УСПЕНСКОМ

СОДЕРЖАНИЕ

Н. Соколов. Творчество Г. И. Успенского в русской критике	3

В. И. ЛЕНИН О Г. И. УСПЕНСКОМ

Из книги «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?»	49
Из книги «Развитие капитализма в России»	50
Из книги «Развитие капитализма в России»	51
Из работы «Капитализм в сельском хозяйстве»	52
Из записей к реферату «Аграрная программа социалистов-революционеров и социал-демократов»	53
Из выступления на заседании Петроградского Совета 12 марта 1919 г.	54
<i>Ленинская «Искра» о Г. И. Успенском</i>	
По поводу смерти Г. И. Успенского	55

Г. И. УСПЕНСКИЙ В РУССКОЙ КРИТИКЕ

<i>П. Н. Ткачев</i>	
Из статьи «Недодуманные думы»	59
Из цикла статей «Мужик в салонах современной беллетристики»	90
<i>А. М. Скабичевский</i>	
Из статьи «Герои вечных ожиданий»	141
Из статьи «Жизнь в литературе и литература в жизни»	164

<i>Д. А. Клеменц</i>	
Из русской журнальной летописи	189
Из статьи «Литературные заметки»	196

<i>Е. И. Утин</i>	
Из статьи «Глеб Успенский»	201

<i>М. А. Протопопов</i>	
Из статьи «Оборотная сторона медали»	227

<i>К. К. Арсеньев</i>	
Сочинения Глеба Успенского.	244

<i>Н. К. Михайловский</i>	
Из статьи «Г. И. Успенский как писатель и человек»	249

<i>В. Г. Короленко</i>	
О Глебе Ивановиче Успенском	313
Из статьи «Глеб Иванович Успенский»	346
Из статьи <О Н. К. Михайловском>	347

<i>П. А. Кропоткин</i>	
Из книги «Идеалы и действительность в русской литературе»	349

<i>Г. В. Плеханов</i>	
Гл. И. Успенский	353

<i>А. В. Луначарский</i>	
Из статьи «Ленин и литературоведение»	421

<i>А. С. Серафимович</i>	
Глеб Успенский	424

ВЫСКАЗЫВАНИЯ КРИТИКОВ, ПИСАТЕЛЕЙ, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ О Г. И. УСПЕНСКОМ

<i>М. Е. Салтыков-Щедрин</i>	433
<i>И. С. Тургенев</i>	436
<i>В. М. Гаршин</i>	437
<i>Д. Н. Мамин-Сибиряк</i>	438
<i>Н. С. Лесков</i>	439

Г. З. Елисеев	441
Л. Н. Толстой	442
А. И. Эртель	444
Н. Е. Федосеев	447
В. И. Засулич	449
В. В. Воровский	453
С. М. Киров	454
Н. К. Крупская	455
В. В. Вересаев	456
А. М. Горький	459
Примечания	479
Указатель упоминаемых произведений и при- жизненных изданий Г. И. Успенского	519

с. 1636.

П 1961 г.
Акт РК - 2010

Г. И. Успенский в русской критике

Редактор В. Базанова Художественный редактор Л. Чалова
Технический редактор М. Кондратьева Корректор А. Большаков

Сдано в набор 14/VI 1960 г. Подписано к печати 13/IX 1960 г. Бумага
84 × 108^{1/32} — 16,375 печ. л. = 26,86 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 26,759 + 1 вкл. =
= 26,8 л. Тираж 6 000 экз. Заказ № 1527. Цена 83 к.

Гослитиздат. Ленинградское отделение. Ленинград, Невский пр., 28.
Тип. № 2 им. Евг. Соколовой УПП Ленсовнархоза.
Ленинград, Измайловский пр., 29.